

Аида Чеглок

ЛАПА
ПРОВИДЕНИЯ

Кинологический
экстрим

Тула
ЗАО «Гриф и К °»
2013

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ч-34

Чеглок, А. Лапа провидения : (кинологический экстрим) ; Сказки для взрослых / А. Чеглок. — Тула : Гриф и К°, 2013. — 368 с.

Внутрисемейные разногласия, любовь, труп, неожиданная развязка... В центре вихря происшествий — хозяйка охотничьей таксы. «Лапа провидения» — это летопись борьбы с невезением в форме иронического детектива с кинологическим уклоном.

В авторский сборник помимо повести включены два коротких рассказа из серии «Сказки для взрослых»..

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN: 978-5-8125-1944-5

© Михайлова О. Н. (Аида Чеглок)

«Есть большие собаки, и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять – и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал».

Приписывается А.П. Чехову

НАПУТСТВИЕ БУКИНИСТИЧЕСКИМ РОМАНТИКАМ

Собаколюббы и собаконенавистники делят человечество на две большие касты. Одна фанатеет, другая – готова убивать. «За» или «против», третьего не дано.

Агрессивный разброс мнений разухабисто украшен афоризмами. «От любви до ненависти один шаг», «любовь зла – полюбишь и козла», «полюби нас чёрненькими, а беленькими — нас всяк полюбит», любовь – «оборотная сторона ненависти», «на вкус и цвет товарищей нет» и прочая, и прочая... Словам, как бездне, нету дна. Но истина во мраке.

Тандем «человек и собака» – ходячая копилка парадоксов. Что ни ситуация, то загадка, увековеченная мифом. Принято считать, четвероногие друзья относятся к человеку преданно и страстно. Скорее даже, подобострастно. Однако рассказы о собачьей преданности несколько преувеличены. Люди склонны выдавать желаемое за действительное.

Но всецело отрицая мифологию, академик Павлов заблуждался. Рефлексами всего не объяснить. Животные на многовековом совместном пути очеловечились. Люди, соответственно – озверели. Молва не зря приписала Сократу: «Чем больше узнаю я людей, тем больше уважаю собак».

Вот и я, подобно древнему греку, всё чаще предпочитаю собачью свору сообществу людей. Оттого и появилась на свет эта книжица. Однако, не одно лишь собаколюбие способствовало этому событию. «Нетленку» породил набор случайных обстоятельств. Отправной точкой послужила соседка – особа, коммуникабельная до потери пульса у собеседника. От таких,

с позволения сказать, дамочек, мирным путём не избавишься. Коли завели они свою волынку – выслушаешь песнь до конца!

С той поры, как соседка обзавелась живностью, приобретает гладкошёрстную таксу, моя жизнь перевернулась вверх тормашками. Вероятно, собака оказывает воздействие на весь окружающий биоэнергетический комплекс.

Новообращённая ТАКСикоманка рьяно вербовала рекрутов в стан собаколюбков. Ловя меня на подступах к месту прописки, она – благо, язык имела без костей – неустанно делилась наболевшим. Прежде всего – азами кинологии. Исходными данными о таксе, которая лает, кусает и даёт прикурить. Лезет в нору иль даёт оттуда дёру. Зарабатывает дипломы с медалями, после чего мочится на подушку и лакомится кожей фирмы «Salamander».

Психологический прессинг сделал своё чёрное дело: одурманенный ТАКСикоманией мозг изваял кинологическую повесть. Замысел долго реял в воздухе безутешным привидением. Смутные контуры слабо мерцали, не уповая на воплощение. Но поскольку каждый день нёс новые знания, призрак уплотнялся. Владелица таксы вдалбливала материал с педантичностью серийного маньяка. Неистово требуя внимания и понимания. Беспокойная соседка силой вовлекла меня в историю – расплывчатые очертания сюжета приобрели прочный каркас.

Полилось плавное повествование о маленькой собачке. Сначала – о ней. Потом пришлось замолвить слово о хозяйке. Дальше – больше. Всё завертелось, запуталось, переплелось...

В оправдание могу сказать следующее: я старалась. Освежила в памяти грамматику, запаслась толковым словарём. И строго придерживалась правила старинной поморской лоции: «Пишем, что наблюдаем. Чего не наблюдаем, того не пишем». Если истина в моём изложении напоминает записки из сумасшедшего дома,

отсылайте претензии к жизни. Est telle la vie*, как говорят французы.

Что я ещё могу сказать?

Читайте, вкушайте!

Смейтесь или плачьте.

Это Вам – для удачи!

Вперёд, друзья, навстречу приключениям!

* Такова жизнь (фр.).

ПРОЛОГ

Программа установила соединение с удалённым компьютером – на дисплее всплывает надпись «Connection is successful». До финишной черты рукой подать. Её дрожащей рукой, сплошь покрытой гусиной кожей. Как дрессированная мартышка, она придерживалась заученной последовательности действий в расчёте на премиальный банан.

Под влиянием стресса кардинально меняется восприятие времени. Полчаса сократились до мгновенья. Оттого телефон на офисной стойке зазвонил неожиданно. Голосом Анатолия трубка спросила:

– Всё о`кей?

Всё было о`кей. Махинация проворачивалась гладко. Никаких тебе закавык! А ведь если верить фильмам и книгам, фактора внезапных осложнений было не избежать. План всегда не срабатывает. Что-то или кто-то в последний момент мешает заграбастать куш.

Женщина морщится. Глупости! В беллетристике речь о несправедно нагробленном, здесь – совсем иной расклад. Всё идёт как по маслу, потому что совершается возмездие. Восстановление в законных правах. Мечь во имя... Мысль, вильнувшая в сторону, загнала себя в тупик. Во имя чего же? Обоснование неблаговидного поступка не желало становиться убедительным. Да и хрен бы с ним! Не всё ли равно?

Откуда вообще рассуждизмы не в тему? Со страху поехала крыша? Надорвалась, поднимая интерфейс? Ни к чему гнилая философия, папочка – козёл — вот и вся недолга! И чёрта с два ум у неё зайдёт за разум, не дождётесь!

Она в порядке. Здравый смысл при ней. Или уже нет? Ведь, если разобраться, того, что сейчас происходит, не может быть. Ограбление года и она – глупая мокрая курица. Среднестатисти-

ческая тёлка без особых примет и способностей. А что, если нет никакого ограбления, и всё это – обыкновенный глюк? Если, конечно, глюки бывают обыкновенными. Ну вот, опять... Задолбали размышления у парадного подъезда!

Крашенная блондинка, не отрываясь от монитора, резко себя одёргивает:

– Цыц, морковка! Прекратить истерику!

Но легко сказать! Мандраж крепчал, на глазах свирепея. Будущее вдруг увиделось мрачным ввиду своей туманной неопределённости. Однако отступить было поздно: сожжённые мосты чернели за спиной обугленными головешками.

– Нет, всё будет чики-пуки!

И дама крепко прижала к груди ридикюль, внутри которого был припрятан загранпаспорт на чужое имя с её испуганным фотолицом.

Прощайте, унылые стены! Непроизвольно всхлипнув, вместо того, чтоб облегчённо вздохнуть, женщина покинула кабинет начальника кредитного отдела банка «Контракт-Корпорейшн». Зацокали каблучки по лестнице из светлого мрамора. Охранник привычно отметил время выхода. Дверь с пуленепробиваемыми стёклами, выпустив преступницу на свежий воздух, закрылась за ней с хищным причмокиванием.

Свежим воздух назывался в метафорическом смысле. Дышать от жары было нечем – духота июльского полдня лишь добавила бисеринок пота на сером лице.

Блондинка спешила. Но едва отойдя от здания банка, замедлила шаг, ясно представив, как охранник обнажает ствол пистолета, целясь ей в спину. Прохожие, казалось, готовились кричать: «Держите вора!». И женщина страстно возжелала исчезнуть, превратиться в песчинку, сравняться с землёй.

В салон видавшего виды «Москвича» она ввалилась как

мешок, набитый ватой. Автоматически включила зажигание. Трещина по швам, машина двинулась на проезжую часть, натужно изображая из себя гоночный болид. «Москвич», конечно, не «Феррари», но — как увековечено классикой жанра — если кого-то в тёмном месте прислонить к тёплой стенке, он ещё очень и очень может...

Призвав на помощь остатки благоразумия, нервная дама проглотила спасительный валиум, предусмотрительно заготовленный на случай панической атаки. Осознанно, хотя нельзя было исключать действие транквилизатора, заставила себя перейти в режим неторопливого вождения. Дисциплинированно приготовилась к повороту у светофора.

Её окружали с детства знакомые места. Собственная квартира оставалась справа по ходу движения. При желании можно было выйти, принять ванну, припудрить носик — и только затем продолжить путь. Но прямо по курсу ждал поворот на старую московскую дорогу. Трасса вела к большим деньгам и безоблачному счастью. Трудности хотелось оставить позади как можно скорее, ванну она примет в отеле. Улыбка предвкушаемого удовольствия тронула уголки губ — женщина за рулём обожала джакузи.

Дальнейшее напоминало видео категории экшен.

«Мазда» с обкуренными мажорами шла под 110 — молодёжь отмечала «днюху» на колёсах. «Москвич» стоял, загодя вывернув руль. Когда иномарка в него воткнулась — он птичкой вылетел на встречную полосу. Идущий на обгон «КАМАЗ» в лепёшку смял переднюю часть «сорок первого». «Буханка», которую грузовик обгонял, тоже не избежала столкновения, несмотря на срочное торможение. Реакции водителя микроавтобуса позавидовал бы лётчик-испытатель, но она не переломила ситуации.

Парень на «КАМАЗе», минуту назад мечтавший оказаться у экрана — по первому каналу транслировали футбол — внезапно

осознал: всё кончено! Похолодело в груди, одеревенели конечности. В принципе, малый был цел и невредим. Но благополучная, доаварийная жизнь, действительно, накрылась. Вероятно, поэтому он и ощутил себя покойником. Крики, вой сирен, языки занявшегося пламени – не вывели его из оцепенения. Как сломанную куклу, беднягу вытащили из кабины сильные руки случайного очевидца.

Прибыли пожарные, подросла «Скорая». Сквозь зубы устало матерился мент из ДПС. Водитель «КАМАЗа» ни на что не реагировал.

Тело до приезда труповозки уложили на обочину. Тучный дачник – владелец «Запорожца», затесавшийся в свидетели – суетливо объяснял, что он не виноват. Шофёра злополучного «КАМАЗа» отправили в больницу. Прохожие оживлённо судачили. Сокрушённо качали головами, прижимали ладони к щекам, исподтишка глаза, как летний ветерок ласково играет белокурыми прядями. Издалека волосы казались живыми. Если пристально не всматриваться, можно было подумать: женщину на пыльной придорожной травке невзначай настигла дремота.

Не зря, ох, не зря терзал накануне несчастную смутный страх грядущих перемен! Опасалась она не напрасно. Да, выходит, не того, чего следовало. Заблудилась в предчувствиях. Не расшифровала подсказок ангела-хранителя. И вместо путешествия на Мальдивы схлопотала путёвку в мир иной.

Часть первая

УДАР! ЕЩЁ УДАР!

«Если бы строили дом счастья, то самую большую комнату отвели бы под зал ожидания»

Жюль Ренар

Глава первая.

МУКИ СОМНЕНИЙ

Собака в однокомнатной квартире — синоним геморроя. Недостаток метража нещадно тормозит процесс питания и воспитания. Для нормальной жизнедеятельности каждой биологической единице надобно отдельное помещение.

Город тоже вносит отрицательную лепту. Гулять негде, высока возможность гибели животных под колёсами. Смог, толчея, скопление болезнетворных микроорганизмов... К неаппетитному набору добавьте финансовые затруднения собаководы – и получите адскую смесь! Ежели у кого малогабаритная однушка – будьте уверены! – проблем у него и без собак немерено: на любой вкус и цвет.

Качество жилья – лакмусовая бумажка для определения потенциала. Чем больше квартира — тем ощутимее успех в собаководстве. На каждый закон, разумеется, есть исключение. Но Лионелла Борисовна Зимина, обыкновенная героиня нашей необычной повести, вписывается в общую картину, не усложняя статистику эксклюзивом.

Квартиру имеет однокомнатную, бюджет – дырявый. В её плачевном положении мысль обзавестись собакой должна самопроизвольно распадаться при первом своём появлении. Но если ты собаколюб – она неистребима! И будучи отринутой, возвращается назад с неотвратимой точностью бумеранга.

Кинологические прожекты нестройными колоннами друж-

но печатают шаг. Золотое правило собаководов – если можешь не брать щенка, не бери! – грубо попирается. Можешь ты позволить себе собаку или нет – детскую мечту не колышет. Собаке быть! Хотя тебе давно не восемь лет и ты как будто бы в здравом уме и твёрдой памяти.

Аки Алёнушка у пруда, Лина сидит на диване и меряет семь раз по семь. Занятие априори пустое. Универсальную комнату (зал, по совместительству — спальню, она же – рабочий кабинет) Лионелла делит с чадом на пике переходного возраста. Вдвоём они захламляют жилплощадь без усталости и достигли ошеломляющих результатов. Плюнуть некуда – всенепременно попадёшь в какой-нибудь утиль! Чинить некому, выбросить – жалко.

Выгуливать, кормить, дрессировать собачку сын возьмётся разве что под дулом револьвера. Любоваться живностью он предпочтёт издали – любая зоо-трудотерапия исключалась.

Никита (в домашнем обиходе — Ник) тип не из самых проблемных. Жаловаться Лионелле грех – он всего лишь рядовой тинэйджер. Обычный рассадник треволнений, источник несбыточности родительских грёз. Ничего за пределами кошмарного! Компьютерный фанат. Читает и пишет с ошибками. Русский – со словарём, по-английски шпарит бегло. Житель туманного Альбиона его английский не поймёт, но для написания простейших программ навыков хватает. Ник и комп – как народ и партия, неразделимы. С продвинутой железкой он на ты. Она его слушается беспрекословно. Лионеллу – нет.

Родился мальчик рыжим, кучерявым и курносым. «Рыжий-рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой...» – гимн его раннего детства. Дедушку Никита, ясное дело, не бил. Но рос под аккомпанемент популярной песенки-дразнилки. Чем, естественно, был недоволен. Активно протестовал, в ответ – подвергался гонениям. Домой приходил с расквашенным носом и прочими повреждениями тела, одежды и нежной детской психики.

Он настолько был удручён естественным цветом волос, что втайне мечтал перекраситься. И давно бы осуществил намерение, если б не одно существенное «но»: драться после смены масти пришлось бы чаще, больше и отчаянней. Не уезжать же, в самом деле, из парикмахерской напрямик в далёкие края, где тебя как рыжего не знают?

Лионелла тоже – рыжая. Аналогично страдая от навязчивых комплексов, к цвету волос она не придиралась. Но до сих пор – а ей уж 35 – стесняется мелкотравчатых веснушек. Тщательно изводит их всякой дрянью, маскирует пудрой и тонирует кремом.

Веснушки – не основная незадача россиянки бальзаковского возраста. И всё же Лионелла заиклилась конкретно на них, мелочёвкой отгораживаясь от фундаментального негатива. Она зарывалась в свои веснушки, как страус прячет голову в песок. Рябенькие оспинки были противные, неистребимые, но не такие страшные, как окружающая реальность. Не то чтобы мир вокруг вызывал невыносимый ужас. Нет, мир был без претензий на глобальный катаклизм. Но он определённо наводил зелёную тоску. И чем дольше жила Лионелла на свете, тем дальше казался ей свет в конце тоннеля.

Социуму она приходилась вдовствующей матерью-одиночкой. Вежливое равнодушие общества к подобного рода контингенту обычно вызывает у того хроническую депрессию. Увы! – милицейская вдова имела привычку часто и подолгу хандрить.

Педагог по образованию, по сути – несостоявшийся зоолог – Лина Зимина не стала б напоказ лобзать ядовитого тарантула, но всё живое: четвероногое, членистоногое, млекопитающее и летающее – вызывало в ней жгучий, не угасающий с возрастом интерес.

В своё время за огненно-рыжие косы Лина получила про-

звище Королева – архитектурные сооружения на затылке придавали осанке царственную статью. Но применялся лестный титул редко. Зато все мужики, не сговариваясь, называли её Огоньком. От первого кавалера голенастая девочка-подросток «Огонька» приняла благосклонно. Но постепенно вместо признательности начала Лионелла испытывать раздражение от скудности словарного запаса ухажёров.

Неужели трудно подобрать ярлык поярче? Тонкость проявить, изобретательность... Впрочем, все ритуальные песни самцов – в далёком прошлом. Никто теперь не дарит Лине даже тривиальных комплиментов! Но случись кому вновь окрестить её Огоньком, она бы сердилась. Одно и то же быстро приедается! Душа стремится к новым горизонтам и пылко жаждет смены ощущений.

Итак, она звалась Лионеллой. Невысокая, плотно сбитая, говорливая, как бурный ручей. Глаза – цвета спелого крыжовника: светло-карие, в крапинку. После инфаркта миокарда Лина схлопотала третью группу инвалидности. В настоящий момент свыкается с ролью домохозяйки. Когда-то всё обстояло иначе, но что было — то сплыло. Время назад не повернуть...

Сперматозоид только коснулся яйцеклетки, а в зародыше уже сформированы способности. От бога или от дьявола – человеку знать дано.

С момента незапланированного зачатия Жеке Зимину была уготована роль неудачника. Свой природный талант парнишка реализовал на все сто. Ныне покойный, муж Лионеллы, ещё будучи школьником, уже остался круглым сиротой. Закончил политех, но вместо того, чтоб корпеть в аспирантуре, подался в милицию. Осуществлять невыполнимую миссию – закон и порядок блюсти. Карьеры не сделал. Погиб в Чечне, однако, отнюдь не от рук экстремистов. Избранник Лины свернул себе шею, сверзив-

шись с яблони. Попытка полакомиться фруктами оказалась фатальной.

Когда-то был Жека скромненький, немногословен и тих. Теперь – его ничем не примечательный облик запечатлён на мраморной крошке могильного обелиска. Наведывается Лионелла на кладбище раз в год по обещанию. Она не большой любитель бродить по сакральным местам и сторонится всего, что так или иначе связано с похоронами и сопутствующим антуражем.

Впрочем, довольно отступлений! Вернёмся к нашим собакам.

Нелёгкая работа – выбирать. Особенно, если выбора нету. Шуршат страницы периодических изданий. Изучаются соблазнительные фотографии. Безумный план обзавестись собакой свербит как прыщ и не даёт покоя. Крепнет ощущение пустоты без животного в доме.

Фактически квартира загромождена выше крыши – но нет ничего устойчивее обманчивых ощущений! И нарастает уверенность: если запустить дополнительное существо в зону проживания, то сразу полегчает.

Лиана клинически заинтересована в наличии под боком четвероногого и пушистого. Оттого, конечно, что принадлежит к племени собаколюбов. А ещё потому, что не справляется с Никитой и полагает: с собакой-то у неё точно всё получится! На кинологической ниве она раскроется как воспитатель, не посрамив полученной профессии.

Напрягает Лионелла извилины в беззаветном мечтании с потугой на размышлизм. Проводит сравнительный анализ. Оценивает породы.

Немецкая овчарка. Достаточно беглого взгляда для осознания её безупречности. Собака податлива при дрессуре, покоряет физической мощью в сочетании с элегантностью. Не живность – сказка во плоти! Однако, если зубками прихватит – мало ни-

кому не покажется. Что, как не справишься с крупной псиной? Укушенные граждане по судам затаскают, душу вымотают, в траты введут. А матчасть и без того потрёпана: Ник в латаных штанах бегаёт, кроссовки на честном слове держатся. Неотразимое создание (НО или ВЕО)* отличается волчьим аппетитом. Не прокормит она овчарку!

Ньюфаундленд. Пёс большой, но никого не обидит, ибо призван не наказывать, а спасать. Однако лохмат чрезвычайно, круглогодично линяет и в буквальном смысле слова распускает слюни. Не очень эстетично.

Боксер приятно гладок, но сипит как агонизирующий астматик.

Есть породы редкие – они кусаются в переносном смысле. Их рыночная стоимость не укладывается в сознание среднего потребителя. Вносить их в список предполагаемых приобретений – народ смешить и себе наносить моральную контузию. Такие обновки – только для Рублёвки!

Бессонной ночью таращась в потолок, визуализирует Лионелла рекламные заставки. Первым из полумрака всегда выплывает чепрачный красавец с заостренной мордой, стоячими ушами и саблевидным хвостом. Да-да! Это она, немецкая овчарка. (Старая любовь не ржавеет!) Чудесное видение, высунув алый язык, преданно ест Лионеллу глазами, готовое выполнить команду.

Прелесть что такое! Но прелесть в переполненный автобус не впихнешь, в субботнюю электричку не засунешь, да и в берлогу – пардон, в квартиру – она без науги не протиснется. Провожая пленительный мираж, невозможно удержаться от вздоха.

Короче, минул год, затем другой. Идея, не достигнув воплощения, сменила галс**. Свой томный взор неожиданно для себя

* Немецкая овчарка или восточно-европейская овчарка.

** Линия пути корабля от поворота до поворота.

перевела Лионелла на охотничий сектор. Охотник из неё, как из слона балерина. Но странным поворот казался лишь навскидку. Деваться-то было некуда!

Пудель требовал дорогостоящей стрижки, шнауцер – тримминга, бультерьерские мордovorоты внушали неподдельный страх. Про этих монстров только триллеры снимать! «Запрограммированные на смерть» или «Челюсти на суше»... Мопсы и болонки к рассмотрению не допускались категорически. Декоративная шелупонь отвергалась изначально.

Собаке – собачью жизнь! – священный лозунг на скрижалях кинологии изрек ветеринар Ваня Матюхин. Лина была с ним заодно. Иван – земляк, уроженец сельских мест, по ошибке затесавшийся в городские трущобы. «Каждая собака, – поучал он между делом, – должна работать, не покладая лап. В противном случае она не собака, а тварь негодящая».

Ее Величество сермяжная правда! Тунейдцы достойны презрения.

То, что компаньоны вправе рассчитывать на большее, было Лионелле невдомёк. О «поганой декорации» она рассуждала с фанатичной односторонностью, почитая «декор» за суррогат.

– Визгливая болонка, – свято верила вдова, – бросает тень на весь собачий род!

Так единодушно полагали суровый ветеринар и солидарная с ним Лионелла. На этом общность интересов заканчивалась.

Черкнёт Иван, бывало, завитушку под личной печатью, стрельнёт черными бусинками из-под пластмассовой оправы и давай наставлять:

– Горе.... На кой тебе собака? Заведи лучше кобеля двуногого!

– Нет, – отвечает Лина не колеблясь ни мгновенья. – Знаем, плавали! Нам такого счастья не нать!

– Ду-у-ура! – благодушно журит наставник и отечески щелкает пальцем по носу, который Лина неосмотрительно суёт

в сумку с щенком добермана внутри. – Забот тебе, что ли мало?

– Немало, Ваня, ох, немало! В том-то и дело, что их через край. Не мешало бы отвлечься. А в компании с четвероногим дружкой отвлекаться веселей и безопасней!

Иван не верил. Думал, женщина цену себе набивает. Пускает пыль в глаза, неся заведомую околесицу. А Лионелла глаголила от чистого сердца. Люди с некоторых пор были у неё не в чести.

Но с собаками тоже выходила напрыжёнка.

Когда кандидатуры друзей из разряда «служебные», «дворовые» и «декоративные» были отринуты, течение по имени «рок» повлекло вдову в охотничьи уголья. И занесло её на выставку охотничьих собак.

Сказки обычно начинаются с интригующего наречия «однажды». Именно так стартовала наша эпопея. Однажды, в июльский день, в погожее субботнее утро трамвай №3 отвез не очень молодую и далеко не весёлую вдову за город – и очутилась она на лесной поляне, расцвеченной красными флажками.

Повсюду шум, лай, суета, музыка. Автолавка торгует пивом и печеньем, красочный транспарант при въезде на территорию собачьего подиума сердечно приветствует всех участников балагана. В те времена общество охотников ещё не дышало на ладан – народу действо собирало видимо-невидимо.

Флажки обозначали ринги*. Джипы, «Нивы», грузовики и всевозможные иномарки – наглядно декларировали доходы владельцев. Собаки – волновались.

Всё вокруг гомонило, мельтешило и нервно двигалось вперёд согласно разработанному регламенту. С разного рода отклонениями от оного. Периодические задержки с началом очередного акта пьесы под названием «Областная выставка охотничьих собак» чрезвычайно удлинляли процесс. Ожидание сменялось

* Места (площадки) для демонстрации экстерьера и послушания собак на выставке.

интенсивным движением, далее следовал взрыв неадекватных эмоций. Не всякий театр сравнится с выставкой, накалом страстей! Люди соображали на троих, спорили до крика, негодовали, смеялись, фотографировались, плакали, травили анекдоты... Преобладала «групповуха»: участники формировались в небольшие коллективы по интересам и удовольствие получали в компании друзей.

Только Лионелла, не замечаемая никем, будто она – корабль-призрак, неприкаянно бродила меж собак и людей, мигрируя от одной популяции собаколюбов к другой.

Глядь – в багажнике старого «Москвича» пищат пушистые комочки! Продаются, хотя сами об этом не подозревают. «Москвич»-то старый, да хозяин – неимоверно вальяжный, не чета своему драндулету. На лбу крупным шрифтом напечатано: «Я — истинный собаковод и в деле знаю толк, от других жду того же». Дескать, дураки – гребите дальше! Проходите, не задерживайтесь! До звания профессионала Лионелле как до Пекина раком – не без сожаления она рулит мимо. И встречает, наконец, знакомое лицо. Будет теперь и ей с кем делиться переживаниями!

Заядлый легашатник, заводясь с полуоборота, рокочущим басом рекомендует английского сеттера. Чистокровные стати предлагаемой породы демонстрирует грациозная сука. Эдакая Белая Бимка Черное Ушко. Четвероногая модель ластится к ногам миловидной хозяйки. Та слегка тушуетя: щечки алеют, губки мягко улыбаются. Общий знакомый укоризненно ей выговаривает:

– Эх, загубили собаку! Леса не видит, работы не знает. А посмотрите, какая красота!

«Бимка» передними лапами беспардонно упирается в «мам-кино» бедро, задорно отмахивая хвостом азбуку Морзе.

– Ну почему же, – вяло отбивается обладательница «красоты». Голосок звучит по-пионерски: тоненько и звонко. – Одну перепёлочку она подняла.

Сеттерша – само очарование! Пластична, аристократична, пропорционально сложена. Ласковая, весёлая, послушная... Лина готова сдаться.

Но обделённая финансово и весьма далёкая от спорта, она не в силах постичь с сеттером каноны охоты. Каждую охотничью собаку надо «ставить», то есть учить работать. Лионелла не в состоянии сеттера ни поставить, ни, собственно, купить. Активированные* щенки оцениваются в валюте. Рублевый эквивалент необходимой суммы пестрит нулями после первой цифры 3. Бывают экземпляры и дороже. Эх. ма! Кабы денег тьма...

Долго ли, коротко ли гуляла Лина по лесу, но набрела в конце концов на мужика, стоящего к рингу передом, а к ней – задом. Возлежащая на мужицком локте длинноухая морда, походя, смерила вдовушку взглядом. Благородные линии головы и четкая осмысленность взора, вселенская грусть в глубине коричневых глаз – заставили остановиться. Собачье лицо – а иначе не скажешь! – напоминало чистый бриллиант на бархатной подушечке. Невольно подумалось: «Боже! Что это за порода такой необычайной привлекательности?».

Затаив дыхание, обходит Лина мужика с правого боку, стараясь ничем не выдать любопытства. Крадётся на цыпочках, вся на нервах в предвкушении открытия. Неужели нашла, что искала? От чрезмерной стеснительности столь изощрённо маневрирует Лионелла — не желая привлечь к себе внимания. Достигает же, разумеется, обратного эффекта. Определив породу, она теряет равновесие и падает в объятия пузатого толстяка. Все вокруг гомерически хохочут. Лионелла рдеет от смущения.

– Батюшки - светы! – повергается она в смятение, которое мало чем отличается от отчаяния – настолько разочарование велико. – Такса!

Великолепная голова в сочетании с убогим тельцем. Уго-

* Получившие справку после составления кинологом акта осмотра помета.

раздило же немцев так изуродовать собаку в результате длительной селекции!

Встряска получилась на славу! Как если бы в разгар банкета в зале для приёма гостей включили душ Шарко. На миг искательница собаки ощутила себя в нокдауне.

«Уф-ф! От таких контрастов склеишь лапы!», – наскоро посетовала Лина, завершая обзорную экскурсию. Ринг такс вдова покидала в состоянии лёгкой паники. Бежала к остановке едва ли не галопом, натываясь на коряги и пеньки. Что есть мочи гнала Лионеллу прочь старая, добрая подружка интуиция. Но беги – не беги, не уйти от предначертанного!

Неизбежное – свершилось. После инцидента на выставке Лина уткнулась в книжку про собак и внимательно ознакомилась с разделом «Такса». Ужасная истина открылась ей!

Стандартная гладкошерстная такса широко распространена. Следовательно, приобрести щенка можно относительно недорого. Гладкая шерсть означала минимум неудобств при линьке. Малые габариты предполагали минимальные расходы на кормежку. Миниатюрность отнюдь не служила признаком декоративности. В книжке черным по белому было начертано: «Такса – маленькая собачка с сердцем льва».

Слоган для королевы! Лионелла, надо сказать, имела натуру романтическую и одновременно практичную: с молодых ногтей обожала храбрых и уважала тех, кто знает, для чего живет.

Имея таксу, необязательно осваивать охотничьи просторы. Существовала сеть искусственных нор, в которых собачка могла до бесконечности шлифовать боевое искусство. По всему выходило: такса – то, что доктор прописал. Но лекарство было невыносимо горьким!

Сознание решительно восставало против правды. Теоретически – идеальный вариант, практически – смех сквозь слёзы! Такса – неудачно усеченный макет настоящей собаки.

И всё же Лина уговаривала себя проглотить пилюлю. Долгих три недели происходила внутренняя борьба. Шла упорно, с переменным успехом, грозя довести дело до раздвоения личности. Наконец, измученная сомнениями, Лионелла позвонила в Москву. Следуя принципу «пусть барин нас рассудит!». В РКФ* ей подскажут адрес клуба любителей такс, а тамошние профессионалы – помогут принять верное решение.

Отыскала Лина телефонный номер в столичном журнале. Набрала заветные цифры, дождалась далёкого «Алло!», нижеяйше попросила совета.

Грубый женский голос уточнил:

– Вы охотничью собаку хотите или декоративную?

Лионелла принялась бессвязно бляеть, жуя суффиксы и окончания – вопрос застал врасплох. Разве бывают таксы декоративными!? Это же охотничья порода!

Оказалось – бывают. Часть поголовья придерживается традиционной, охотничьей ориентации, но подавляющее большинство – принадлежит к декоративным отщепенцам. Маргиналы доминируют: декорации больше, чем охотников. Ошеломлённая, Лина никак не могла собрать мятущиеся мысли в кучу.

На том конце провода в сердцах бросили трубку. Не на рычаг – на стол. В ухе хрустнуло, Лионелла вздрогнула. Как сие понимать?

Спустя минуту упавшая трубка ожила и заворковала елеяно-вкрадчивым меццо-сопрано:

– Здравствуйте! Вы хотите приобрести щенка! – голос не спрашивал, но утверждал. Пел на все лады, обволакивал, заволаживал, манил... Лина нарвалась на прилипчивого продавца. Сладкоголосая сирена норвила впарить ей за 200 баксов красноглазого альбиноса.

– Ни у кого такого не будет, только у вас! – мягко насаживала покупателя на крючок ушлая баба. Безошибочный нюх торговли

* Российская Кинологическая Федерация

подсказывал: на том конце провода – законченная идиотка. Продащице надо было отдать должное: она почти угадала. Лионелла Зимина не отличалась сверхнормативным интеллектом. А также опытом купли-продажи. Но не до такой степени была вдова инфантильна, чтобы не знать: альбиносы – своего рода ошибка природы. Малоэстетичные и нежизнеспособные создания. Еле отвязалась Лина от назойливой консультантши.

После разговора дилемма «Брать или не брать?» стала вызывать отвращение. Лионелла решила плюнуть на собаку. Образумиться и заняться чем-нибудь общественно-полезным. Так ведь и сделала!

Но, отброшенная, мысль сработала как бумеранг. Набрала в полёте силу, и вернулась. Три месяца спустя идея-фикс принялась изводить Лину с утроенной силой. Словно зомби, получивший приказ, женщина тасовала фотографии горбоносой «барсучьей собаки». Заученно шепча, как молитву: «Умная, смелая, работоспособная. Компактная и оригинальная!».

Аутотренинг сработал. В один прекрасный миг в мозгу что-то щёлкнуло – и замкнуло. «Берем таксу!» – объявила Лионелла.

Никита взбунтовался. Надулся, как мышь на крупу и принялся запугивать мать угрозой неповиновения, хуля окаянную таксу на чём свет стоит. Он гнул антитаксину (или правильно говорить антитаксячью?) линию столь яростно и убеждённо, что Лина заподозрила спонтанный приступ детской ревности.

– Только попробуй! – гундосил отпрыск со злорадством мазохиста. – Я тогда нормальную собаку себе возьму!

Нашла коса на камень. Ребром встал вопрос: кто из них двоих упрямее? Лионелла и сама не была в восторге от немецкой коротконожки, но раз дело дошло до конфронтации... Кукиш тебе, сына, с маслом! Именно таксе в доме и быть! Бунт на корабле капитан обязан пресекать в зародыше.

В основе усмирения любой оппозиции лежит промывание мозгов. В ход был пущен бронебойный довод: «Это выгодно!».

Аргумент был крайне сомнительный и в то же время – очень соблазнительный.

– Никита! – без зазрения совести дурачила ребёнка Лионелла. – Щенок – 200 баксов. Наваримся! Будем делать бизнес!

Наивный ребёнок поддался на уговоры – мамаша ловко обвела вокруг пальца родное дитя. Белый флаг Ник выкинул исключительно из меркантильных соображений. Мальчик отдал сердце гордону, на худой конец – он предпочёл бы сеттера. В его представлении собака должна быть большой. Откровенно говоря, Лионелла тоже придерживалась этой точки зрения. Но отмена сделанного выбора смысла не имела. Наверяд ли удастся придумать что-то получше! Если, конечно, соизмерять потребности с возможностями. Лионелла – соизмерила.

И начала лепить мечту из того, что было.

Глава вторая ПРИЗ ДЛЯ СОБЕСЕДНИЦЫ

С Ленкой Лазуткиной Лионелла расставалась многократно. Но не навсегда. Рано или поздно, приятельницы воссоединялись. Целовались болтали, хохотали до хрипоты и... вновь выпадали из зоны взаимного общения. Вплоть до очередной стыковки.

«Моя дорогая Элен» – называет подружку Лина, не скрывая иронии с ржавым налётом зависти. «Дорогой» Элен стала потому, что зарплату в СП по продаже жвачки населению получает министерскую. Начальник фирмы у Лазуткиной в штатных любовниках на правах подкаблучника. Холёные эленкины ручки вдеты в ежовые рукавички. Ими подружка держит Ивана Сергеевича Боборыкина конкретно за яйца.

Вылетает, скажем, Элен до городу Парижу, блуждает в предместьях французской столицы и по этой уважительной причине может не спешить на работу. Более того, круг её интимных связей не ограничен. Фаворитка Фараончика открыто наслажда-

ется сексуальной свободой и финансовыми безрассудствами за счёт жвачной конторы.

Фараончик — дело её сахарных уст. Было дело, сравнила Элен хахалю с повелителем Египта. Каким-то образом прозвище стало достоянием гласности. По воле масс претерпело небольшое изменение и присохло к Боборыкину намертво. Ленкин начальник даже в городской управе за глаза именовался Фараончиком. Пренебрежительное «чик» проистекало из несоответствия внешнего облика высокому рангу владыки Египта. Не дотягивал предводитель фирмы «Авантаж» до стандартов Тутанхамона! Росточку был примерно метр с кепкой. Приятная полнота ласкала глаз, закрепляя образ мягкотелого недотёпы, чудаковатого лапочки Карлсона.

Многие погорели на этой обманчивой внешности. Сверхъестественной податливостью Боборыкин отличался по отношению к Элен и ни к кому другому более. Даже законная супруга не удостоивалась предпочтений. Что же говорить о посторонних? Иван Сергеевич благодаря конкурентной борьбе в каменных джунглях выработал железную хватку. Не по делу прилепился к Фараону уничижающий суффикс «чик».

Вывод: общественность страдает сильной близорукостью. Которая применительно к Боборыкину вполне объяснима: ничего не стоило впасть в заблуждение, зная об отношении бизнесмена к секретарше! Об их интрижке в курсе были все. И никто, включая Лионеллу, не мог взять в толк, отчего столь кротко сносил Фараончик дикие эленкины выходки. Не иначе, она его шантажирует. Тогда, скорей всего, её обезглавленный труп когда-нибудь отыщется в сточной канаве. Или зельем колдовским опоила. В этом случае — развязка непредсказуема.

Элен звонила Лионелле, прежде, чем перед ней предстать. С собой тащила экзотическую пищу, выпивку и поношенную одежду. Акция благотворительности сопровождалась фонтаном откровений. После того, как всё было выпито, съедено и обговорено

но, подружка снова ныряла в тёмные глубины житейского моря. Соло. Исчезая до появления новой животрепещущей темы, на которую не с кем перекинуться словом.

При всей своей болтливости Лионелла хранила чужие секреты, как надёжный банковский сейф. Не умолкая ни на секунду, она перемалывала только те косточки, какие следовало. И с теми, с кем надо. Элен откровенно эксплуатировала необъяснимый феномен. Без опаски сливала информацию, снимая эмоциональное напряжение. Спонтанные сеансы психотерапии оплачивала мелкими подачками.

После смерти Зимина благотворительность распространилась на сферу интимных услуг. Лазуткина заботливо прихватывала для Лины разнообразных «женихов». Их поток не иссякал до тех пор, пока не пришло осознание тщетности усилий. «Женихи» — все, как один, были с червоточинкой. А запросы у Лионеллы были самые что ни на есть высокие: «Прынец – или ничего!». Остановились на «ничего». Поскольку принцы – товар штучный, на дороге в россыпь не валяются. На всех лионелл их не напасёшься.

И вот однажды «дорогая Элен» взялась осчастливить вдову четвероногим спутником жизни. Идея возникла после жалобной песни о том, как трудно выбрать бедной девушке хорошую собаку. Жалоба была исполнена Линой на высоком художественном уровне — грусть обострилась ввиду опорожнённой бутылки коньяка. Вдовушка распустила нюни, Элен – расчувствовалась. Обе уже порядком надрались, когда Лазуткину озарило.

– Мы её возьмём! – возвестила розовощёкая секси, закусив очищенной креветкой.

– Кого? – насторожилась Лина. От взбалмошной приятельницы можно было ждать чего угодно.

– Таксу твою! – в глазах Элен загадочно мерцнуло – она предвкушала забаву. Точно так же блистала очами пассия Фараончика, прежде чем свинтить в Анталю с чернобровым

бой-френдом из Латинской Америки.

Кредо эффективной блондинки: три в одном, и всё – без промедления! Поиск проблемы, решение, преодоление последствий двух предыдущих действий. Элен функционировала как торнадо.

– Не вздумай перечить! – приказала она. Лионелла пробубнила с набитым маслинами ртом: «У меня денег нету».

– Фигня! – отвергла возражение Лазуткина. И тряхнула широкой мошной.

И взвился смерч в лице «дорогой Элен» с колченогого табурета, и набросился он на телефон...

Через полчаса к подъезду подали «карету». Дежурный дружок из бездонных запасников подогнал «пирожок» – двухместный пикапчик сомнительного вида. Втиснулись в кабину всем гуртом, включая Ника. Машина крякнула, вздрогнула, фыркнула и двинулась к намеченной цели. На пути не встретив ни одного поста ГАИ — дуракам и пьяницам порой необычайно везёт! Соискатели таксы миновали неприятности, на которые активно нарывалась: избежали столкновения с другими авто, не загремели в канаву и благополучно вернулись в исходную точку. Вместе с новым, пятым пассажиром.

И понеслась косая в баню! Щенка надлежало разместить, накормить, оградить от опасностей, всё – на нетрезвую голову! И с преодолением непредвиденных сложностей.

...Они ударили по рукам, сделку заключив рукопожатием, когда выяснилось: до полугода щенкам строго-настрога запрещено передвигаться по скользкому линолеуму. Во избежание деформации конечностей.

Чтоб сохранить постав щенячьих лап в перевозданной красоте, нужен был ковёр. Или – пол настелить заново. Прикрыть бетон дубовой доскою: для здоровья полезно и для экстерьера – никакого ущерба! Но не каждому дано ходить по деревяшкам.

До акта купли-продажи Лионелла не владела информацией

о недопустимости линолеума – известие её повергло в шок. Знай о том она заранее, покупка вряд ли состоялась бы. Но после драки кулаками не машут.

Реализация заветной мечты сразу как-то не заладилась. Пока Элен развлекалась в пикапчике, Лионелла торговалась. Никита топтался у порога, олицетворяя собой апофеоз растерянности. Сомнения при виде таксы-мамы всколыхнулись в нём с новой силой.

Хозяин хмурил брови и кривил губы: он ждал мужика с ружьем, а явилась баба без понятия.

– Может, передумаете? – предложил он, буравя Лину взглядом. То ли вправду беспокоился о потомстве суки, то ли цену ценку набивал.

Хозяйка, напротив – излучала радушие. Как орлица над орленком, вилась над покупательницей, снабжая ту инструкциями по уходу. Расточала улыбки, призывая не волноваться. Лионелла невольно начала рассчитывать на снижение цены ввиду горячей любви к своей персоне. Но нет, настолько далеко симпатия не распространилась.

Подарок судьбы обошёлся в тысячу рублей. Из кармана пришлось выгрести всё до копейки. Для прокорму пса Элен презентовала помимо денег килограмм отборной говядины. На первое время хватило. Но всё равно – недели две Лионелла перебивалась с хлеба на квас, экономя на мелочах.

Не будем, однако, забегать вперёд. Вернёмся к сцене приобретения. Хозяин, смирившись с неизбежностью, потребовал у Лионеллы паспорт для оформления факта продажи. Судя по тону, он всё ещё разрывался между желанием арестовать покупательницу на любом законном основании и стремлением пристрелить её на месте без суда и следствия.

Победил разум. Оба варианта не прошли. Подозрительный заводчик тщательно сверил фотографию на документе с оригиналом, занёс паспортные данные в записную книжицу и нехотя

вернул аусвайс* владелице. Процедура на этом не закончилась.

Лионелле вручили щенячью справку, где кличка обозначалась покуда лишь одной заглавной буквой П. И потребовали завершить слово, для чего предоставили несколько заготовок на выбор. Ни одна из них Лионеллу не устроила. Поколебавшись, она неуверенно озвучила свою версию:

– Пусть будет Приз...

Несговорчивые продавцы хором воспротивились.

– Как вы будете называть его уменьшительно ласкательно!? – всполошилась хозяйка дома. Глаза забавно выпучились: резко увеличившись в объёме – буквально вылезли из орбит. Хозяин презрительно процедил :

– Это лошадиная кличка.

Лионелла вышла из себя. Внешне это никак не проявилось – пожар запылал внутри. Лина старательно боролась с бешенством. Что за ботва!? Над ней открыто издеваются или креативный стёб — общепринятая форма распродажи таксят?

Во избежание конфликта вдова задержала дыхание, мысленно сосчитала до пяти, выдохнула. Фокус сработал. Сама успокоилась, и парочка отъявленных ТАКСикоманов взяла на полтона ниже.

Сошлись на том, что кличку Лина придумает позже. Супруга заводчика с ещё не устаканившимся взором – глаза по-прежнему испуганно навывкате – вновь ласково защebetала:

– Кормите пять раз в день, добавляйте творожок, сырое мясо не прокручивайте, не балуйте... К еде он вообще-то спокоен.

Сердце-вещун тревожно встрепенулось.

– Привередливый? – строго глянула Лионелла на щebetунью в упор. Та повторила с прежней интонацией: «Спокойный...». Понимайте, дескать, как знаете! Вдаваться в детали щенячьего пищеварения, по-видимому, было неуместно. Да и что

* От нем. «Ausweis», означающее удостоверение личности.

бы изменила детализация? Длинноухий крысёнок, обещающий в будущем превратиться в собаку, принадлежал отныне ей со всеми своими причудами.

И вот позади обмен верительными грамотами и взаимными обещаниями. Приближается развязка. Интересно, что выкинут продавцы напоследок? Заплачут от умиления? Дадут пинка для скорости? Лионелла предвкушала общее замешательство с креном в сторону скандала. Однако, сцена прощания хотя и скомкалась, но прошла без особых эксцессов,

– За пазуху щенка возьмите – простудите! – прорычал вдогонку продавец таксят. Послушная супруга приняла рык за руководство к действию: схватив Лионеллу за шиворот, энергично затолкала щенка ей за пазуху. Куртка затрещала. В её карман упала горсть сухого корма, и сердобольная распространительница такс нетерпеливо подтолкнула Лионеллу к выходу. От потока нравоучений заломило в висках – Лина нарвалась на ещё более опытных знатоков словоблудия в режиме нон стоп, нежели она сама.

Но всё когда-нибудь кончается – завершился и этот спектакль. С грохотом захлопнулась дверь неосвещённого подъезда. Покупатели вырвались на волю. Неизъяснимое блаженство принёс им первый глоток морозного воздуха. Свобода! Никто не давит на психику и не учит жить! Тишина, лепота, благолепие...

Вероятно, утомлённые ожиданием, все обрадовались, что можно по домам – встреча в формате два плюс три получилась неестественно горячей. Не хватало только праздничного фейерверка! Каждый норовил пощупать перепуганное создание, издающее слабые пискис. Всем одновременно обнять щенка не удавалось – и в безлюдном дворе организовалась беготня в виде карусели. Словно такса стала ёлкой, а часы – двенадцать бьют! Водитель чуть было не поддался настроению, но вовремя дистанцировался. Жужа потухшую сигарету, он наблюдал за бурей

ликования со стороны.

«Дорогая Элен», позабыв про комильфо, лобзала кутёнка, во что ни попади, сопровождая «чмоки-чмоки» пронзительным визгом. Лионелла протестуяще вопила, вызволяя собачьего детеныша из гламурных объятий. Никита давился от смеха, следя за причудливым танцем очумелых тёток. Но он и сам принимал участие в буйстве. Скакал козлёночком, ловил ртом снежинки, испытывая беспричинный восторг. Неведомо отчего, настигла людей нечаянная радость.

Понемногу угомонились. Ник, заграбастав щенка, забрался к матери на колени, и пикапчик двинулся в обратный путь. Открывая тем для Лионеллы совсем другую жизнь.

Собачью.

Глава третья

НЕ БЫЛО У БАБЫ ПЕЧАЛИ...

Аксиома это те же грабли. Наступил – получаешь в лоб! Закон есть не что иное как аксиома. Преступил – будь любезен отдохнуть на нарах! Незнание не освобождает...

Кинология мало чем отличается от Уголовного Кодекса. Незнание правил содержания таксы не спасает владельца от наказания за их несоблюдение. Начинающим собаколюбам – никаких поблажек! Приобретая таксу, каждый человек рискует наступить на грабли. Шансов больше у растрёп и недотёп. Нокрытые парни тоже могут вляпаться. Перед аксиомой все равны.

Единственным светлым пятном на начальном этапе стал выбор клички. Дело оказалось непростым, но трудности были приятные. Нарекать щенка полезно, увлекательно, приятно. Процесс доставляет удовольствие, тождественное тому, когда чешешь там, где чешется.

Новый член семьи имел право кичиться родовитостью. Корни предков по отцовской линии уходили в Германию, Чехию,

Финляндию к чемпионам Европы по красоте и рабочим качествам.

Материнская ветвь вела к легендарному Угольку. Много воды утекло с тех времён, когда складывалась легенда, но местный норник и ныне при упоминании об Уголке №1 мечтательно закатывает очи. Если верить сказаниям, пёс самостоятельно выволакивал лису из норы. Ружьё охотнику было без надобности. Если яблоко от яблони и вправду недалёко падает, то...

На горизонте забрезжили высокие награды Родины за воспитание уникальной собаки и рекорды на спортивно-охотничьем поприще. От предвкушения блестящих побед где-то глубоко внутри Лионелла ощутила сладкий нервный трепет. Склонная к сутулости спина выпрямилась, грудь всколыхнулась, глаза подозрительно блеснули. Тайное сделалось явным. Автор вынужден признать: вдова не лишена тщеславия. Но давайте для приличия назовем это здоровым честолюбием!

Жажда урвать кусок славы подхватила и понесла. Фантазировалось без удержу. Заснула Лина под утро. Покуда оба мальчика сопели, отдавшись во власть Морфею, она порхала по страницам толкового словаря – амбиции требовали выхода.

Имя четвероногому герою! – таков был девиз бессонной ночи. Ей не терпелось благословить собаку на безупречную карьеру. Из всего многообразия слов выбрать одно – единственно верное. Краткое, звучное, ёмкое, несущее своей семантикой чёткий положительный заряд.

Родовитых предков щенка по отцу величали замысловато. Любой смертный, осмелившись произнести заморскую кличку без специальной подготовки рисковал прослыть заикой. Один Умберто Уссатхёхе чего стоил! Имелись в наличии Геро фон Майстервурц, Ласко ф.д. Вильден Розе и Карло фон Линденбрунен. На этом фоне скромная Фелуца Меркури смотрелась замызганной крестьянкой.

Предки по матери происходили из русской провинции, где трехэтажные фамилии раньше были не в чести. Бим, Боцман, Чара, Умка, Малыш. Никаких аристократических замашек в виде необоснованных длиннот! Экстерьер кой у кого тянул на «очень хорошо» (что означает очень даже нехорошо, скорее плохо, хотя и допустимо). Зато пращурь-россияне переплюнули заграничную родню в трудовом мастерстве. В целом получалась недурная генеалогическая мозаика. Было от чего танцевать. Но с каким именем?

Кликать Принцем рабочую собаку не с руки. Приз звучит заманчиво – но и в самом деле, более к лицу жеребцу. Порох? Фонетическая шутка элементарно преобразует порох в порошок. Собака боевая, предназначена для борьбы со зверем, и вот – на тебе! – неосторожной оговоркой её мигом превращают в пыль!

По прошествии мучительных исканий (перечисление которых опустим для пользы читателя) в мозгу кристаллизуется слово Пират. Загорается неоновым светом и призывно подмигивает. Дескать, я то, что нужно.

Без приставок ги, де, фон и прочих морфологических излишеств. Просто Пират. Символ авантюризма, напора и натиска. А также грабежа со смертоубийством. Войти в чужую нору и выгнать из неё законного обитателя – достойная задача носителя грозного имени.

Ну, Пират так Пират! Конечный результат определённо не стоил вложенных усилий. Тем не менее Лионелла рухнула в постель с сознанием исполненного долга. Совесть была чиста: пёс перестал быть безымянным.

Под сломанное кресло она предусмотрительно подложила кирпич, чтоб не раздавить щенка ненароком. Еду на утро приготовила. Теперь спать, спать, спать... Тяжелые веки смыкаются, хозяйка таксы погружается в заслуженную дрему. Но как только Лина нырнула под одеяло, наречённое создание очнулось. И закатило истерику.

Пиратик выл, скулил, скрёб когтями по бумажкам, пищал, визжал и жалобно стонал. Скорей всего, он громогласно тосковал по мамке, терзаясь горьким одиночеством. Но через два часа Лионелла подумала, что щенок объявил ей войну и ведет ее сознательно, всеми доступными ему средствами. Идея вздорная, спору нет. Возникшая предположительно из-за хронического недосыпу. Однако отделаться от неё не удавалось.

События стали нарастать как снежный ком. И каждое, прямо или косвенно, подтверждало нелепое подозрение.

Сначала Лионеллу вымотал карантин, без которого нельзя обойтись в городских условиях. Временная изоляция от агрессивной среды – мера необходимая, но для поборников гигиены – чрезвычайно тягостная. Со слезами на глазах наблюдала добропорядочная домохозяйка, как щенок делает «сики» и «каки», что называется, не отходя от кассы.

Даже несмышленные кутята не гадят в логове. Они отбредают в сторонку, выбирая для физиологических отправлений определённое место. В квартире им, как правило, служит прихожая – она ближе к выходу. Чистоплотности требует инстинкт самосохранения. Чем меньше следов своего обитания ты оставляешь для хищника, тем больше шансов избежать с ним встречи.

Кинологическая беллетристика гарантировала: таксам присущи ум и повышенная чистоплотность. Прошло немного времени, и Лионелла поняла: веления древнего инстинкта Пират не подвергался. А поскольку книг он отродясь не читал, то все декларированные литературой качества были ему совершенно чужды.

Щенок не искал укромных мест. Приучить его гадить на газетку возможным не представлялось – бумажной периодикой, призванной оберегать не сформированный костяк, комната была услана вся целиком. Уловить момент, когда он собирался оросить мочою пол, было затруднительно. Пират делал это без предупреждения, там, где настигло желание. Из положения стоя,

сидя, лёжа и на бегу. Перед тем, как наложить кучку, щенок обнюхивал устилающую линолеум прессу, ходил по ней кругами и попискивал, что отдалённо напоминало извинение. Но в лужах – ничего плохого не усматривал.

Лионелла терпела. Стиснув зубы: считала дни до появления иммунитета после прививки. Когда терпение лопнуло – вынесла Пиратика на улицу досрочно. То есть Лина и раньше с ним гуляла, но держала малыша за пазухой. Теперь же – поставила его лапами на землю.

Вернее, на снег. Злостный нарушитель гигиены, почуяв декабрьский мороз голым пузом, скукожился, но, передумав бояться, гордо вскинул голову и деловито потрусил куда-то вдаль. Оклики и призывы игнорировал. Пришлось Лионелле беглеца догнать, чтоб вновь приютить на груди. Продрогший щенок исходом дела был удовлетворён, однако благодарности не изъявил.

Он не испытывал к хозяйке трепетных чувств. Воспринимал её как данность, приносящую еду. Еда его не устраивала, владелицей своей он оставался постоянно недоволен. Когда Лионелла возвращалась домой, Пират не торопился навстречу и ничего не сигнализировал хвостом. Подобная независимость и взрослой-то собаке не свойственна, а для малого дитя это было более, чем странно. Лина обратилась к литературе. Исходя из прочитанного, робко предположила возможную причину: Пиратик был изъят из семьи слишком поздно, поэтому, из-за пропущенной фазы запечатления, считает её посторонним человеком.

Но если так, почему к незнакомым людям он бросался сломя голову? Виляя задом с такою амплитудой колебаний, что, рисковал остаться без крупа и хвоста. Встречая чужака, Пират визжал, подпрыгивал зайчиком, и в буквальном смысле слова писался от счастья.

Карантин закончился, и Лина перестала раздеваться. Спать ложилась в полном облачении (исключая всё-таки обувь). Как солдат, готовый в любую секунду выступить на боевое дежур-

ство. Только оторвался щенок от миски, в охапку его и – вперёд! Едва проснулся, хватя его! Шапку на голову, куртку на плечи, прыг в сапоги – и бегом на свежий воздух.

После тридцати секунд на морозе атласная шкурка, лапки, хвостик и ушки Пирата начинали трястись. После получаса – Лионелла сама замерзала как цуцик. Но щенок упорно дожидался возвращения домой в предвкушении момента, когда он сможет освободить мочевой пузырь в родной, уютной обстановке.

Когда Пират впервые окропил снег мочою, Лина сбавала буйный танец, похожий на цыганочку в исполнении пьяного джигита. Всё-таки совсем немного нужно человеку для счастья! Теперь, подумала Лионелла, дело пойдёт на лад. Хвали за «сики» там, где положено, наказывай за них в квартире – и воцарится санитарно-гигиеническая норма.

Ан нет! Достичь идиллии мешала невосприимчивость пёсика к корму. Как порядочная зебра, щенок был мало восприимчив к дрессировке. Скушать лакомство позволял себе лишь при условии безвозмездности кормёжки. Если кусок надо было отработывать – вознаграждение отвергал.

Невероятно, но факт: четырёхмесячный Пират предпочитал еде свободу. Команду «Ко мне!» охотно выполнял, если сам собирался идти на сближение. При отсутствии такового намерения двигаться отказывался наотрез. Физическое наказание принимал в штыки – огрызался. Получая за дерзость на орехи, убегал на своё место и оттуда излучал тьму неудовольствия всеми фибрами души.

Пират явно считал, что Лионелла слишком много себе позволяет, и старался не слушаться во всех без исключения случаях. Хоть убей – стоял на своём! Нет, прикончить себя он не позволял, в решающий момент – сдавался. Неохотно уступая силе в надежде на скорый реванш.

По здравом размышлении Лина ограничила курс обучения выполнением двух обязательных команд: «Фу!» и «Ко мне!» – в

противном случае четвероногого друга пришлось бы колотить без передышки. Нелегко притирались друг к другу унылая ворчунья и упрямый сукин сын!

Гонки на выживание

Днём подтаивало, однако, к вечеру столбик термометра опустился ниже нулевой отметки. Ночной мороз не сковывал члены, но располагал к романтическим променадам. Грех было не воспользоваться подарком погоды! Не спустить собаку с поводка, не подышать свежим воздухом... Лина и Пират отправились на ночную прогулку.

Редкие фонари освещали безлюдный стадион, выхватывая из темноты полужанесённые снегом спортивные приспособления, напоминающие остов потерпевших крушение НЛО. Снежок кружился, затягивая в магическое коловращение. Хотелось вместе с ним плавно вальсировать, блуждая в воспоминаниях.

Пират участвовал в танце снежинок – самозабвенно нарезал круги, взметая тучки снежной пыли. По уши проваливаясь в сугробы, он, словно маленький чёрный дельфин, высоко выпрыгивал из белых волн. И снова бросаясь в пучину снега, ловил щенячий кайф. Не забыл Пиратик посикать, успел и покакать, отчего в душе Лионеллы воцарилось благостное умиление.

И дёрнул её чёрт найти в кармане засохший кусочек печенья! Чтоб добро не пропадало, Лина вздумала освежить в памяти собаки уже отработанную команду «Ко мне!». Печенюжку назначила в награду за усердие.

Скомандовала. Реакции нет. Добавив голосу металла, продублировала призыв. Ноль эмоций. Наливаясь злостью, как спеющее яблочко румянцем – двинулась по направлению к саботажнику.

Вдова, она, как художник – в том смысле, что обидеть может каждый. Однако в состоянии аффекта мать-одиночка с третьей группой инвалидности могла люлей навешать, будь здоров! Пират предусмотрительно дал от хозяйки дёру.

Лионелла прибавила ходу – щенки тоже ускорили темп. Ещё минута, и оба летят, как ошпаренные – только снег из-под «копыт»! Большие неповоротливые медведи и маленькие коротконогие таксы

перемещаются в пространстве с непостижимой быстротой.

Пират начал отрываться от погони. Последствия его победы могли быть ужасны. Стоит собаке хоть раз взять верх – не видать человеку спокойствия! Пёс без усталости станет повторять эксперимент, норовя вновь оказаться победителем. Догнать Пирата следовало во что бы то ни стало.

Лионелла припустила, что есть мочи. Перенесённый инфаркт был в состоянии о себе напомнить, но Лина отбросила мысль о возможных последствиях кросса и неслась, не разбирая дороги. Догнать или умереть – так стал вопрос. Обе вещи, в принципе, могли произойти одновременно. Но хозяйку таксы мало волновал летальный исход. Её пугала жизнь после поражения.

Пират остановился сам, признав превосходство безрассудности. Лина рухнула рядом, хватая воздух ртом. «Интересно, – подумала безучастно, будто не о себе. – Сейчас коньки отброшу или малость погодя?». Смирненно ждать кончины, однако, было недосуг. Щенок мог опомниться и дать стрелкача. Тогда – пиши пропало! – все усилия прахом пойдут.

И Немезида в лице Лионеллы протягивает руку... Пальцы, готовые вцепиться в холку, не успевают её коснуться. Ужасающий вой разрывает безмятежную тишину ночи.

Лина руку невольно отдернула. А таксёныш драл глотку, будто стая диких зверей разрывала его на мелкие фрагменты. Точно волк на луну, задрав морду к небу, он непрерывно голосил, наращивая децибелы. Эхо его предсмертных рыданий испуганно заметалось меж домами.

Крошечное создание надрывалось как взбесившаяся электричка. Тёмные окна сразу в нескольких многоэтажках вспыхнули электричеством. В два часа ночи, за заклеенными рамами неравнодушные граждане восстали ото сна, откликнувшись на собачий вопль. То была наглядная победа гласности над деспотизмом. Лионелла прыснула.

– А ну, наддай ещё маленько! Помощь близка, МЧС на подходе.

Спокойная, насмешливая интонация сбила щенка с толку. Он заткнулся так же неожиданно, как принялся орать. Недоверчиво покосился левым глазом, мерцающим наподобие драгоценного камня.

И затаился в ожидании развязки.

Негодование схлынуло, но для остротки Лионелла всё же ткнула хитреца мордой в снег. Произвела показательную порку в профилактических целях. Печенье выбросила и поплелась домой. Очарование ночного моциона развеялось как дым.

Но приключения на этом не закончились. Вниз они съехали в дребезжащей замусоленной кабинке, а подняться в ней же наверх не довелось. Кнопочка вызова лифта безжизненно погасла. На пятый этаж пришлось карабкаться пешком. Если б не усталость после кросса, подъём принёс бы только пользу. Но дыхание прерывалось, в горле саднило, поводок выскользнул из рук. Лионелла отпустила Пиратика, чтоб облегчить себе восхождение.

Пёс запрыгал по ступенькам, опередив хозяйку на два пролёта. «Скок-поскок, через пятку на носок...». Как ни в чём не бывало! Лина же еле ноги волочила после воспитательного марш-броска. А когда дотащилась, наконец, до двери собственной квартиры, резвого скакуна поблизости не было. Он умчался в чердачные дали, словно не ведал ничего о месторасположении родного очага. Или забыл о нём? А, может, никогда и не помнил?

– Неужели он клинический идиот? – предположила таксятница, продолжая движение в направлении крыши. Спускаться по лестнице самостоятельно маленьким таксам не рекомендуется – испортится внешность. Лапы разъедутся, локти вывернутся – образуется экстерьерная некондиция. Надо отыскать Пирата, прижать к груди и отнести домой на ручках. Хотя от всего сердца хотелось по обнаружении придушить.

На площадке последнего, девятого этажа не оказалось ничего, кроме строительного мусора, Щенок-путешественник затерялся где-то внизу. Предположительно – поблизости от мусоропровода. Ибо больше всего на свете Пиратик любил собирать говно на свободе.

Долго разносилось сердитое шипение Лионеллы в замкнутом пространстве спящего подъезда. Не смея возопить, она шёпотом подзывала неразумное животное. Насилу дошепталась!

Возможно, это не её порода. Или не та собака выпала по жребью. Мечта показывала фигу. Одно пожирание фекалий сво-

дило на нет все прелести общения с собакой! Сторонник раздельного питания – мясо с кашей порознь, и ешьте последнюю сами! – Пират с аппетитом пожирал любые какашки. Предпочтение отдавал человеческим – они казались ему вкуснее из-за разнообразия компонентов. Купив собаку, Лионелла открыла портативный ящичек Пандоры.

Настал час, и она заподозрила Пирата в неподобающем для боевой собаки грехе – трусости. Во время карантина Пират гулял в основном вдоль по лоджии, в углу которой валялось старое ведро. Оно мирно пылилось ржавым доньшком вверх до тех пор, пока Лина не узнала, что охотничья такса с детства должна привыкать к узкому замкнутому пространству. При отсутствии натуральной норы тренировочным плацдармом могли служить свёрнутые в трубочку ковры и иные норообразные предметы.

Ведро, конечно, не труба, но вход в подземный лабиринт отдалённо напоминает. Лина уложила его набок и повела Пиратика знакомиться с импровизированной норкой.

При виде опрокинутой ёмкости щенок вздыбил шерсть на загривке и первый раз в жизни сказал «гав». Единожды. После чего наотрез отказался подойти к снаряду. Поваленное ведро вызвало у него опасения.

Лионелла ощутила на губах горький вкус острого разочарования. К моменту близкого знакомства со страшным ведром таксёнку стукнуло двенадцать недель, а взлял он впервые. Никакой мёртвой хватки* при игре с тряпочкой, что совершенно несвойственно таксе! Признавая силу соперника, Пират безропотно отпускал игрушку. «Мне этого и не надо, – написано было на его остроносой мордашке, – Не очень-то и хотелось!».

В ведро, то бишь в «нору» он так и не пошёл. Через пару дней со всеми предосторожностями приблизился к ржавой железяке, понюхал и ...потерял к ней всякий интерес.

* Термин языка охотников. Означает судорожное сжатие челюстей при укусе. Собака не может разомкнуть челюсти до тех пор, пока не схлынет яростное возбуждение, охватившее её при виде зверя.

Пооди пойми, чрезмерный ли это ум или полное его отсутствие? Так или иначе, синдром ведра впоследствии постоянно давал о себе знать. Вопреки утверждению «Такса – маленькая собачка с сердцем льва», Пират проявлял запредельную осторожность. Его осмотрительность явно граничила с трусостью.

Когда Пират собрался «выйти в свет», во дворе гужевался весёлый отряд разношерстного молодняка. Кроличья такса Тина, восточно-европейская овчарка Дина, гибрид дворняги с кокер-спаниелем по кличке Лада и «боксерша» Кэнди. Лина с нетерпением ждала окончания карантинных мытарств. Чтобы влиться, подружиться, адаптироваться.

Затея провалилась. Едва щенок примкнул к тусовке, как Тинка яростно набросилась на единственного кавалера. Пират беспрекословно подчинился злобной даме, впредь предпочитая её избегать. Рослых подружек поначалу тоже сторонился, но, оценив их безвредность, принялся непристойно к ним приставать. Повисал на задней лапе суки и ритмично безобразничал, пока его энергично не стряхивали. Из-за этих домогательств Пират прослыл сексуальным маньяком, а хозяйка склочной Тинки прилепила к нему милую, но вместе с этим компрометирующую кличку.

– Зря вы его назвали Пиратом, – притворно нейтральным голосом заметила она, – Поцелуйчиком было бы уместней!

Скрытое ехидство отчасти диктовалось завистью. Все собачники находили родовитого Пирата писанным красавцем. А Тинка, мало того, что без документов и рожей не вышла – так ещё и нравом не удалась.

Проводя политику невмешательства, играл Пират осторожно, в драки не ввязывался, голоса не подавал. Если неужённые товарки сами его доставали, садился, прижимая задницей хвост, и делал выпады в разные стороны с отчаянным тоненьким писком. Он робел, но к хозяйке за помощью не обращался. Видимо,

находил это ниже своего достоинства. Достоинство – тщательно блюл.

Однажды писклявые детские выпады не помогли — собачки обваляли его в снегу. Шкуры не испортили, но унизили по полной программе. Пинали по очереди как плюшевый мячик, открыто наслаждаясь численным и физическим превосходством. Без злобы, однако, с ярко выраженной назидательностью. Урок был усвоен. Отныне Пират покидал сборище при первых признаках расправы. Заранее. Подружки дурного ещё не задумали, а Пират уже гордо удаляется. Он умудрялся напустить на себя при этом значительный вид одинокого скитальца. У меня, дескать, крайне важная миссия, ваши глупые шалости мне до фонаря!

Лиана, Ник и Пират жили со всё возрастающим чувством дискомфорта. Никита бурчал: «Говорил, надо было сеттера брать!». Пирата раздражали питание и необходимость послушания. Лионелла расстраивалась. Но не сдавалась. Исправляя ситуацию, она повадилась бороздить лесопарковую зону. Топча драчными сапогами заснеженные дали, взялась наращивать мышцы себе и своей незадачливой таксе.

Занятия протекают с удручающим однообразием. Пират очень быстро сникает. Холод заставляет его держаться вблизи проторённой дороги. Нежное создание дрожит, на глазах превращаясь в жалкое подобие собаки. Бедолага ни о чём не просит, еле передвигая лапы. Только трясётся всё сильнее, демонстрируя флаттер по нарастающей. И с удовольствием загружается в рюкзак, стоит Лионелле гостеприимно распахнуть походный мешок на снегу.

Одна из прогулок завершилась нечаянной притравкой. Тренировку на безлюдной тропе прервал как-то раз собачий лай. Не сразу дошло до Лионеллы, что бас, не совместный с параметрами таксы, принадлежит Пирату. Да и как ей было узнать его голос? Одинокое «гав» перед экзаменационным ведром прозвучало лишь единожды. «Великий немой» не лаял, только ныл, выл

и скулил. Не веря своим ушам, рванула изумлённая Лина напрямик, утопая в сугробах. Обувь мгновенно наполнилась снегом. Не беда! Она спешила видеть.

И узрела: щенок облаивал ворону, распластавшуюся под деревом. На охотничьем кинологическом сленге – делал доклад. Громко, но непродолжительно. Когда Лионелла подобралась достаточно близко, Пират замолчал, а полудохлая птица с шумом забила крыльями, но не сумела оторваться от земли.

Щенок отпрянул и встал неподвижно: ни взад, ни вперёд. Заворожённо уставился на пернатую дичь, её поедая глазами. Так страстный коллекционер впитывает подлинник Пикассо: не в силах слова вымолвить и взгляда отвести. Стоит Пират истукан истуканом, Лионелла тоже застыла. Призадумалась. Что делать? Притравить собаку по вороне или нет?

Во-первых, она сама её боится и в руки не возьмёт ни за какие коврижки. А без акта соучастия притравка не пойдёт: щенок ждёт поддержки. Во-вторых, есть ли смысл таксу приучать к пернатым? Как никак собака норная. Не зря же изобретали узкую специализацию! В конце концов, пустила Лина всё на самотёк. Стоит, смотрит. Ждёт развития событий.

А они не развиваются. Полуживая ворона недвижима. Пират за ней с тревогой наблюдает. Лионелла внимательно следит за Пиратом. Тот пребывает в раздумье. Птица предпринимает очередную попытку взлететь – бьёт крыльями Щенок бездействует. Только перебирает лапами (зябко!).

Лионелла отступает – Пират и ухом не ведёт. Она ждёт минут десять. Мизансцена та же. Терпение лопается, от холода зуб на зуб не попадает. Лина подзывает собаку:

– Ко мне!

Композиция не меняется.

– Пир-рат, мать твою!

Нехотя оставляя потенциальную добычу, щенок медленно тащится на зов с несчастным видом сильно провинившегося.

Интересно, за что он себя корит? Отчего потуплен взор? Из-за проявленного «синдрома ведра» или запоздалого выполнения команды?

Вопрос остаётся без ответа.

Глава четвёртая НЕ В КОНЯ КОРМ

Охотничьи качества нуждались в дополнительной проверке, доступных способов которой было два.

Первый: сверстать мини-«норку» из подручных средств типа «одеяло-простыня» и запихнуть туда испытуемого с воинственным кличем: «Ату!». Натягивать «нору» надо как можно сильнее, до максимального сходства с трубой. Желательно, чтобы от входа хорошо просматривался выход – путеводный свет добавит щенку уверенности.

Подготовил плацдарм — ободри щенка, похвали, не ругай ни в коем случае! В один конец трубы его энергично подтолкни, из другого – пусть кто-нибудь подманивает пса кусочком мяса. Это тест на боязнь замкнутого пространства, относительно простой. Поскольку один кричит, другой — толкает, участников, стало быть, двое. Не считая экзаменуемого.

Состав был близок к идеальному: Лионелла, Ник, Пират — все в сборе. А вот инструментарий — подкачал. Когда старое покрывало разрезали и прострочили на «Зингере», оказалось: глазомер Лионеллу подвёл. Чтобы проникнуть в самодельную трубу, Пирату нужно было поднатужиться – шилась норка с запасом, на вырост, а получилась – тютелька в тютельку, впритык.

Лез кобель в испытательную дырку против воли, понукаемый грозным: «Вперёд!» Лионеллы и слащавым: «Ко мне Пиратик! На-ка, нака!» Никиты. В зауженном месте пёсик застрял, взвыл, высвободился из тряпичной западни неистовым рывком и вылез наружу с выпученными от ужаса глазами.

Тест повторять смысла не имело. Зачем усугублять последствия неудачной попытки? Но взбешенная робостью щенка и тщетностью швейных манипуляций: пыхтела, кроила, мастерила, но допустила просчёт – Лина повелела Пирату проследовать тем же курсом. Кобель заупрямился, но против лома – нет приёма! С горем пополам втиснулся, пролез, преодолел...

Хорош иль плох был испытуемый — судить не дилетантам. «Зачёт иль не зачёт?» – никто не знал. В трубу Пират проник, но ведь под страхом смертной казни!

Способ второй был на порядок сложнее. Ибо требовал заклания крысы или котёнка без когтей.

Вы не ошиблись и прочли то, что напечатано. Лионелла тоже не сразу поверила собственным глазам. Вертела дидактическую брошюрку так и сяк – осмысливала. Пособие для начинающих садистов было с пылу с жару, свежачок-с! Издательство – вполне себе респектабельное. Реквизиты на месте – издание легитимное. Третье тысячелетие на дворе, разнузданный гуманизм на подъёме, а безымянный сборник советов молодому охотнику рекомендует вырыть углубление и запустить туда котёнка без когтей. Вслед – послать собаку.

Лина проглотила текст раз, другой, третий – её затошнило. Мамочка милая, это что ж такое? Нет, господа! Она – жена мента, вдова мента и знает цену крови. Это неприемлемо! Несправедливо, немилосердно, безнравственно. Неоправданной жестокости не место в жизни. Иначе это и не жизнь никакая вовсе, а так – жалкое ей подражание.

Вам хочется драки? Засуньте в яму боевого кота! С когтями. У противника должен быть шанс. Иначе это не поединок, а убийство. Ежу понятно: котяра покажет, где раки зимуют. Единоборство несмышлёныша с матёрым воякой легко предсказуемо. Но на беззащитных младенцах обучаются искусству убивать только последние подонки. Разве можно научить чему-то стоящему на подобных примерах? Нельзя.

И ведь не научились! В 50-е годы двадцатого века, молодых собак в СССР натаскивали по этой изуверской методе. И что же? Такс не только было мало — их доблесть оставляла желать много лучшего. Несмотря на выдающиеся достоинства породы. Трофейные особи, вывезенных из Германии, влили свежую перспективную кровь в советский племенной материал. Но бог не мякишка...

Если собака сама невзначай прикончит детёныша, значит, так тому и быть. Животным — можно! Человек же не вправе лишать жизни детей: ни двуногих, ни четвероногих! Это грех, наказуемый свыше. За притравочный позор охотник расплачивался массовой бесталанностью собак. Не помогали изуверства!

Метод с подопытными котятами Лионелла отменяла, как аморальный и иалоэффективный.

По слухам, киргизский генетик-экстремал скрестил обыкновенную крысу с ондатрой. Гибрид размножается лучше кролика. Всеяден: пожирает яблоки на деревьях и домашнюю птицу в хлеву, ядохимикаты переваривает как клевер. Вот это — подходящий объект для притравки! Но возникает вопрос: кто отловит чудище и пообрубает ему клыки в целях безопасности собаки?

Испытание №2 откладывалось. А выявленное без него — удручало. Молва гласит «Кто как ест, тот так и работает!». Если верить ей, работник из Пирата был никчёмный. К приёму пищи пёс был равнодушен. Лишь вонючая козлятина заставляла его терять самообладание. При виде сомнительного деликатеса он страстно постанывал, капризно притопывая лапкой, и метался, как очумелый. Движения танца означали: «Дайте, дайте мне это дивное лакомство!». Ко всему, что не козлятина, Пират подходил дифференцировано, предпочитая разнообразное, отдельное питание. Широтой ассортимента меню у Зиминых не отличалось, и потому — кобель напоминал ходячее анатомическое пособие.

Оценивать собаку можно всяко-разно. Например: «Не смотри, что худой — погляди какой послушный!». Ну, о послушании

Пирата уже было сказано. Но эпизод на ночном стадионе – мелкие семечки!

Возьмём команду «голос». Любую собаку проще пареной репы научить её выполнять. Дразни кусочком мяса, повторяя: «Голос! Голос! Голос!», пока пёс не твякнет от переизбытка эмоций. Кусок – в пасть ему в награду за правильный ход сумбурных мыслей, и снова повторяй:

– Голос! Голос!

Через пару сеансов рефлекс закреплён. Человеку останется только следить за тем, чтобы собака не увлеклась вокалом. Но универсальные приёмы не для Пирата разработаны! У него свои рефлекссы, вне законов этологии*.

Лаять по заказу для него – верх унижения. Перед упрямством таксы была бессильна даже козлятина. Под воздействием искушения пёс пискляво ныл в пищеварительной тоске, но гавкать не торопился – лишь невразумительно попискивал.

Вредность хвостатого уника не знала границ. Обладая сообразительностью законченного эгоиста, Пират всегда исходил из личных интересов. Порою это забавляло. Хитрый чертёнок, чуя за собой вину, выполнял команду «Ко мне!», обходя хозяйку с фланга. Пристраивался к ней сзади, с расчётом, чтобы находиться рядом и в то же время – вне пределов досягаемости тяжкой длани. Но чаще финты Пирата вызывали горькое недоумение.

При всём своём недюжинном уме сукин сын продолжал писаться от «чуйств-с». И не имел понятия о верности и долге.

Решающую проверку на профпригодность учинил знакомый легашатник. Лина отыскала в записной книжке номер консультанта, с которым до этого общалась довольно поверхностно, и принялась давить на жалость. Да так, будто десять лет сидела с ним за одной партой! Как ни странно, плач возымел немедленное действие.

* Этология – наука о биологических основах поведения животных.

Ошалевший от хныканья: «Ах, что мне делать, как мне быть? О-о, помогите бедной таксовладелец!»», он взял – да и помог. Привёз лабораторную крысу для опытов. На, дескать, пользуйся, только отвяжись!

Так оно и вышло. Сделала Лина из обыкновенной крысы подопытную, а потом про охотника и думать забыла. Но прежде – немного расстроилась, придя в замешательство.

Причитала она без всякой надежды на что бы то ни было. Просто плакаться в жилетку на собачью тему тогда ей было некому. Потому объектом для выплеска кинологических страданий стала наугад выбранная жертва. Ею оказался председатель секции островных легавых областного общества охотников.

Лине нужно было выпустить пар: слить негатив, облегчить душу. О последствиях она не подумала. И вот он – результат бесконтрольного слива! Стоит на пороге с банкою в руке. В ёмкости – крыса. Лионелла – в шоке.

– В-вы бы хоть п-предупредили п-п-предварительно, – бормочет вдова, принимая резервуар с прыгающей в ней живностью. Банку крыса описала и обкакала. На подарок презент смахивал мало. Попахивало оскорблением.

– Это для того, чтоб всё было, как в книжечках написано, – съехидничал гость. По-видимому, достала его Лионелла цитатами. Мсть охотника этим не ограничилась. Осторожно вывернув своё подношение из слабеющих рук растерянной вдовы, провокатор продлил издевательства. Как олимпийский факел, поднял банку ввысь:

– Смотрите, какой миленький. Неужели не жалко?

Серые глаза насмешливо прищурились. А что, если это не насмешка? Поведение визитёра легко толкуется на разные лады.

Допустим, руководитель секции легавых осуждал Лионеллу за сделанный ранее выбор. Сеттера надо было брать, сеттера! – мелькнул в мозгу ремейк дискуссий. Грязная охота с таксами, крестьянская. Никакого эстетического удовольствия – сплош-

ные земляные работы. Лионелла выдвигала свои основания: невозможность «поставить» собаку, отсутствие оружия. Не забыла и про небывалое бесстрашие таксы в кромешной тьме. Запарила мужика контраргументами – теперь он отыгрывался.

Интерпретация №2. Клеится. А крыса у него – вместо букета и конфет.

Вариант третий. С ума сошёл. И за слова с поступками не отвечает.

Обрывки мыслей, хаотично мельтеша, спутались. Странным образом в голове Лионеллы объединились три версии разом. В одну большую кучу сваялись доводы, поводы, выводы и предположения. Что за манера такая – грызунов дарить? Ужель достигнута критическая точка старения, пройдя которую, на крыс только и можно рассчитывать?

Стало Лине себя до обидного жаль. По, вместо того, чтоб опечалиться, начала она сердиться. Принёс! Спланировал чуток развлечься! Вогнать её в краску и стыд. Наверняка был уверен, что Лина в ужасе от грызуна открестится. А он отвезёт живую игрушку любимому внуку или – хуже того – взаправду, оставит ей. Чем накажет ещё больше.

Растерянность улетучилась. Вкупе с робкой благодарностью.

– Будьте последовательны, – возвала Лионелла к совести дарителя ледяным тоном суффражистки. – Помогите испытать собачку в естественных условиях, отвезите за город! Пять минут на сборы, десять – на дорогу. Мы на месте, вы – свободны!

Перечить консультант не решился. На природе экспериментировать, действительно, сподручней. Снег глубокий, крыса не успеет удрать, если щенок оплошает. Однако, в планы визитёра притравка не входила. Легашатник был уже не рад своей затее. Он заметно поскучнел, стал переминаясь с ноги на ногу, поглядывая на часы и нервно Лионеллу поторапливая. Не поймёшь их, право, этих благодетелей! Перед тем, как подарками со-

ритель, определился бы – оно ему надо?

Группа притравщиков направилась в ту самую лесопарковую зону, где Пират имел счастье прогуливаться с Лионеллой. Крысе предоставили свободу, она кинулась в глубь спасительного сугроба – еле успели отловить.

Выпустили Пирата. Он, не долго думая, пылко облобызал армейские ботинки сорок пятого размера. То ли добротную мужскую обувь оценил по достоинству, то ли проникся внезапной страстью к обладателю ботинок. На крысу – ноль внимания!

Умаялась Лина крысиным хвостиком морду щенку щеко-тать! Можно подумать, крыс Пират видел-перевидел, надоели они ему хуже горькой редьки. А приятного человека встретил впервые, полюбил с первого взгляда и готов ему немедленно от-даться.

– Прибейте её, может, на кровь среагирует!

Лина не заметила, что командует, внося жестокое предложение. А охотник — беспрекословно подчиняется. Хотя только что всем своим видом выражал крайнее нежелание заниматься глупостями. Но у него-то с охотничьим инстинктом было всё в порядке! Он вошёл в азарт и увлёкся притравкой. Чего нельзя было сказать о Пирате.

В миг сокрушительного публичного позора Лионелла на-прочь забывает об основах гуманизма. Кровь каплет, крыса до-хнет. Пират на кровавую драму не отвлекается. Он обхаживает берцы, словно понимая: времени для признания в любви почти не осталось.

Экзамен с треском провалился.

Партнёр по притравке откланялся, а Лина осталась обте-кать. Попутно размышляя о смысле бытия. Задуматься было о чём– эксперимент подтвердил худшие опасения. Пират не име-ет рабочей перспективы. «Пустой», говорят про таких охотники. План революции в отечественном собаководстве рассыпался в

прах. Печаль начала плавно растекаться по организму Лионеллы. Но мирно предаться грусти на лоне природы не удалось. Вино-вник торжества ещё не исчерпал свою программу.

Он увязался было за приглянувшимися ботинками, но был остановлен грозным: «Рядом!», – и нехотя поплёлся за хозяйкой. Однако вскоре улучил подходящий момент и устремился туда, где лицезрел восхитительную обувь в последний раз.

– Пират, ко мне!

Какое там! Щенка и след простыл. Коротенькие лапки так-сы способны развивать умопомрачительную скорость. Только что была собака в зоне видимости, три секунды – и она ушла за горизонт.

Чтоб тебя! Лионелла бросается вослед. И такая лютая злоба обуяла её во время погони! Жгучая слеза на глаза набегаёт, дыхание перехватывает... Родная собака предала!

Чем дальше Лионелла бежит, тем сильнее жажда мести в ней крепнет. Слёзы на финише высохли. Обида ушла – осталась ненависть. Стань Лионелла на миг африканскою львицей, окрестности огласились бы устрашающим рыком. И не будь Пират так занят, этот мощный сигнал он непременно бы воспринял. Чего-чего, а интуиции ему не занимать! Но пёс был чересчур озабочен поиском потерянного следа. За этим занятием и был достигнут.

Далее следует эпизод, который переводит фильм в категорию «кроме детей до шестнадцати».

Лина била собаку мордой о твёрдый наст, как ядом, плюясь хлёткими ругательствами. Не распыляя внимание на визг и жалкие попытки сопротивления. Сил не жалела. Мутузила Пирата, пока не выдохлась. Затем отшвырнула его прочь, как если бы выкинула из сердца. И, не оглядываясь, зашагала в глубину леса.

Спустя полчаса она остановилась с миной обречённого ка-

торжника на угрюмом лице. Абсолютно синхронно, в полутора метрах позади, притормозило дрожащее существо плачевного вида: с поникшей головой и поджатым хвостом.

Пират не смел приблизиться, но он не отставал. Установленную дистанцию твёрдо держал ещё в течение часа. Понуро плёлся в безропотном ожидании приговора. А ведь мог убежать! Весь из себя такой свобододолюбивый и самостоятельный. Отдающий предпочтение кому угодно – только не законной владелице. Откровенно говоря, Лионелла полагала, что он за неё не пойдёт, и домой она вернётся без Пирата. Раз она ему не нужна, пусть катится на все четыре стороны. Нет мебели – и это не обстановка!

От него даже избавиться – и то нельзя! Охотник пристрелил у первой же норы. «Добрые руки» – выкинут после щедрых выбросов мочи в самых неподходящих местах. Покупатель – вернёт и потребует деньги обратно. Неразменный пятак, мать его! Разве что самой укокошить...

Но ненависть уступает место непрощёной жалости. И хотя Лионелла по-прежнему испытывает к собаке неприязнь – ей стыдно за вспышку неконтролируемого гнева.

Лесная благодать успокаивает. Изредка скрипят деревья на морозе. Пиратские лапы тоже одеревенели и воспроизводят при передвижении стук кастаньет. Ни души вокруг – только она и безмолвие зимнего леса. Да бессловесная тварь в дополнение к пейзажу. Как тень отца Гамлета, неотступно бредёт она по пятам, стараясь не попадаться на глаза.

– Хрен с тобой, иди сюда!

Лина приглашает к сотрудничеству крайне неприветливо. Она ворчит. Но щенок с готовностью откликается. Забирается в развернутое лоно походного рюкзака, сворачивается там и тихо стонет. Не то от холода, не то от горя. А может по совокупности. Несостоявшийся охотник напоминает мокрого птенца, потерявшего одновременно лапы и крылья. Просто сгусток злосчастья

какой-то!

Лионеллу разбирает досада. Пока ей стыдно. Но ещё немного – станет и мучительно больно. Когда окончательно онемеют застуженные ноги. Ну и жизнь, ёлки-палки! Везёт как утопленнику. Почему именно ей досталась собака из тех, что ни уму, ни сердцу? Да что там собака! Всё –наперекосяк. Порчу что ли навели неизвестные злопыхатели? Или дело в том, что стакан для неё всегда наполовину пуст и требуется изменить привычный угол зрения?

Собачка у неё – славная, сынок – не безнадёжный раздолбай, а мужик ей даром не нужен. Зачем? Чтобы грязные носки по углам собирать и уписанный унитаз «Пемолуксом» отдраивать? Для большинства россиян отдельная квартира – верх недостижимого блаженства, она — на этом самом верху. Немало прочих радостей можно наскрести по сусекам – была б охота предаться жизнелюбию!

Педагогически просветлённый воспитатель малолетних преступников Антон Семёнович Макаренко сочинил гениальный лозунг: «НЕ ПИЩАТЬ!». Надо, надо прислушаться к товарищу Макаренко! И благодарить жизнь даже под дулом пистолета, воспринимая последние мгновения как акт благословенного катарсиса.

Но прежде – раздобыть рецепт изготовления неисправимого оптимизма. Заварить жизнеутверждающий рассол покруче и нахлебаться вусмерть. Потому что обычный аутотренинг больше не срабатывает.

Примерно так сокрушалась после убийства ни в чём не повинной крысы Лионелла. Навалилась на неё грусть-тоска так, что впору биться головой об стену!

Вы спросите, почему бы Лине от Пирата не избавиться? Ведь на одну проблему станет меньше!

Задам вам встречный вопрос: как вы себе это представляете? Отделаться от собственной собаки при наличии совести

сложно. И не забывайте, Лионелла — женщина до мозга костей. Противоречивая, гипер-эмоциональная, непоследовательная, пребывающая в вечном смятении.

Посему – продолжение следует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГАДКИЙ УТЁНОК ВСТАЁТ НА КРЫЛО

Иной раз мы обретаем крылья, благодаря хорошему пинку

Афоризм

Глава первая

ВСТРЕЧА НА ПЕРРОНЕ

Оптимистами не рождаются. Ими становятся вследствие доброкачественной встряски. После того, как счастье обрушивается снежной лавиной, чудесным образом сметая с горшка и вознося на трон.

Если осчастливливание достигнуто непосильным трудом, грядёт не чудо, а заслуженный успех. Чудеса же, как землетрясения, случаются сами по себе. Стихийно, ни от чего независимо. Чем всплеск сейсмической активности выше – тем мощнее цунами. Так же с чудом: чем оно круче, тем сокрушительнее вызванный им оптимизм.

Реки начинаются с ручейков, дуб – с проросшего жёлудя. Чудеса – с ничтожно малой пустяковины, которая словно бы весточку шлёт: «Алё, гараж! Как слышите? Интрига на подходе!». Именно такая вещая мелочь приключилась с Лионеллой на железнодорожной станции. Случайная встреча повлекла за собой цепь событий. На первый взгляд – незначительных. Количество, как положено, переросло в качество... Однако – обо всём по порядку.

Шторму предшествует полный штиль. Накануне чуда тоже тихо. Серо, уныло, беспросветно.

После экзамена на злобу к зверю Пирата низвели до уровня диванной никчемушки — он потерял всякую ценность в глазах потерпевшей от него семьи. Низвести-то низвели... Но одновременно произошло его вознесение на «второй этаж» – псу разре-

шили валяться на кровати, кресле, диване. Ни к чему оболтусу соблюдать приличия, с круглого дурака – какой спрос?

О своём моральном падении кобель не догадывался. Наоборот – он был уверен в том, что одержал победу: отвоевал изрядную долю жизненного пространства. Фактически – посягнул на статус человека, частично уравнившись с ним в правах.

Довольный промежуточным итогом, Пират методично совершенствовал зловредные наклонности. Полагаете, сильнее насолить Лионелле нельзя? Она тоже так думала. И зря.

Устроилась наша таксятница сторожем в детсад. Через сутки соседи обвинили её в жестоком обращении с животным, За чем, спросили, вы над собакой измываетесь? Пирата никто пальцем не трогал. Просто Ник отправился на каникулы к бабушке, и пёс тяготился одиночеством. Тоску выражал оглушительно и продолжительно. Выл, пищал, скулил, визжал. В общем, обеспечил населению круглосуточную филармоническую атаку. Лина уволилась с работы. Но проблема осталась – кобель вошёл во вкус. Стоило ей выйти за порог, как возмущённые соседи снова выражали протест.

Не по нраву пришлись Пирату и поездки в общественном транспорте. Голосить там в полную силу мешали хозяйкины подзатыльники. Однако полупридушенный вокалист подвывал вплоть до полного изнеможения.

Выяснилась удивительная закономерность: он затихал минут за пять до конечной остановки. Вне зависимости от длины маршрута. Умолкал непосредственно перед тем, как покинуть транспортное средство. Он выгружался, утомлённый упорным нытьём, а пассажиры ещё долго с пеной у рта слали проклятия на голову Лионеллы за операцию по принуждению к тишине. Защитники животных сверкали глазами и брызгали слюной. Невыносимы были для них страдания собаки, которой затыкают пасть недемократическими методами!

Так они и жили. Лишь ночью, на стадии глубокого сна,

четвероногий деспот рычал и злобно лаял. Приглушенные звуки нежно ласкали слух. Лай был характерный: металлический, агрессивно-напористый. Во сне Пират гнал зверя. Можно подумать, он был заколдованным принцем. Только в сновидениях приоткрывающим подлинную сущность.

Между тем прохожие всё чаще зондировали почву относительно потомков от «инфанта». Желая их приобрести. Экстерьер кобеля, его надменный вид, изысканная манера выражения чувства собственного достоинства — заставляли неровно дышать каждого встречного собаколюбца. Однажды импульсивная мамзель заговорила с придыханием, навзрыд:

– Ах, какой красавец! Как вам повезло! Вы – счастливая обладательница...

Вежливо улыбнувшись, Лионелла про себя возразила: «Знай ты, какое оно — это счастье, запела бы иначе!». Вслух ничего не сказала. Но искреннее восхищение заставило взглянуть на пса внимательней. Ну как угодована питомцу карьера законодателя собачьей моды? Воображение услужливо увещало клинообразную грудь кобеля золотыми медалями.

Но восторгались Пиратом рядовые обыватели, совсем иначе мог звучать вердикт специалиста. Его предвосхищая, Лионелла проштудировала кинологический талмуд. Напыжилась, вживаясь в образ эксперта. Напрасно кривлялась!

– Собака ...эм-м представляет собой, – только и смогла она промямлить, словно второгодник у доски, – достойный экземпляр. Лапы, уши, хвост, голова ..э-э – всё как у людей!

Красота, конечно — сила, но в отношении Пирата хорошего ждать не приходится. Наверняка в нём что-нибудь не так! Лучше не идти на поводу у амбиций. Пусть писанный красавец ласкает взор посторонних почитателей, сиднем сидя на диване. Безо всякой экспертизы.

И потекли пиратские дни с завидной безмятежностью: сон, еда, прогулка, дрема. Жизнь наладила ход по накатанным рель-

сам. На этом можно было, собственно, закончить печальную повесть о подлом Пирате. Если б не Его Величество Случай. За трапезный мужик в стёганом ватнике развернул ситуацию задом наперёд.

Для справки: к числу немногих положительных качеств Пирата относилась его перевозка в сумках и мешках. Будучи упакован, пёсик безропотно транспортировался, если расковыривал для себя окошко обозрения. Аристократический профиль на фоне латаного рюкзака неизменно вызывал массовый приступ зоофилии. Каждый встречный собаколюб норовил просюсюкать что-то одобрительное.

Представьте продуваемый ветром перрон, покрытый жидкой кашей из талого снега и грязи. Народ ёжится, зябко кутаясь в шарфики, куртки и шубки. Все привязаны расписанием к длинной платформе, помеченной редкими фонарными столбами. Некуда плюнуть и негде присесть: ни урны, ни скамейки на унылом железнодорожном постаменте. Фигурки людей сиротливо жмутся к самому краю. Электричка должна быть с минуты на минуту.

Вместе со всеми томится Лионелла. Пират, закутанный в рюкзак, величественно восседает не сзади, за спиной, а спереди, на ручках. Морду высунул наружу. Снег с дождём полирует длинные уши, увлажняет и без того мокрый нос. Ту же обработку проходит задубевшее лицо Лионеллы.

И когда коренастый мужик среднего роста и неопределённого возраста подкатил к озябшей вдове, она напряглась. Не до дорожного флирта сейчас – поскорей бы притулиться на вагонное сиденье, желательно, с подогревом. Перестать стучать зубами, покемарить час-другой.

Долгожданная электричка с хулиганским посвистом вырывается из-за поворота. Вздурораженный народ суетится, Лина под шумок пытается от мужика оторваться. Двигается с энергичной деловитостью, изображая лицом неприступную крепость. Но приятный дружелюбный баритон неотступно гудит в самое

ухо:

– У-у, какой хороший!

Заскорузлый палец чужака шаловливо почёсывает мокрое пиратское ухо. Ноготь венчает траурная чёрная каёмочка. Лионелла, содрогнувшись, прибавляет ходу. Мужик, как привязанный, следует по пятам, продолжая с неподдельной теплотой в голосе:

– Вы с притравки? Уже отработали?

Тут пронзительная мысль пригвождает убегающую Лину к месту. Она и прибывающая электричка тормозят одновременно. «Он не ко мне клеится, а к моей собаке!». Догадка приносит облегчение, как ни странно, с примесью неудовольствия. Кавалер немолод, руки неухожены, к флирту она не расположена – а поди ж ты! Весна, видать, не за горами, коли гормон выходит на охоту...

Они моментально меняются ролями Мужик, улыбнувшись на прощанье, ныряет вглубь вагона, Лина – семенит следом. За плечами незнакомца выдавший виды рюкзак, брат-близнец её собственного. «Смерть туриста» называется. Потёртый, но прочный и надёжный, родом из СССР – таких сейчас не делают. Женщина резко проникается к незнакомцу симпатией. Два рюкзака как пароль и отзыв. Лионелла как бы повстречала родственную душу.

Не то чтоб её покорила тождественность багажа – Лина произвела переоценку ситуации. В повадках мужика угадывался охотник. В получасе ходьбы – притравочная станция «Старт». Наверняка человек пришёл оттуда. А раз так, то он-то ей и нужен! Интуиция подсказывала, что это не мужик, а кладёзь бесценной информации. Не начерпаться из которого – предел неосмотрительности.

«Кладёзь» вознамерился претворить в жизнь её собственный план двухминутной давности. Он оперативно занял удобный плацдарм у окошка по ходу движения. И, судя по рассеян-

ному взгляду и характерным движениям курицы на нашесте, собрался всласть подремать. Попутчик активно гнезвился, без сомнения предвкушая отдых. Но рок в лице любознательной вдовы уже примостился напротив.

Лиана испускает лучезарную улыбку и начинает призывно ворковать, стараясь не переборщить с любезностью:

– Вам до Гуреева?

Попутчик отвечает коротким кивком. Невдомёк ему, что впереди – двухчасовая занимательная беседа. Он приуготавливается ко сну: ладит шапчонку к оконному стеклу, прислоняет к ней голову. «Волосы, между прочим, рыжие, как у меня. Точно также сединой подернуты и кучерявятся, – отмечает Лионелла. – Рыбак рыбака...». Но увлекаться созерцанием не время.

«Спешите ваять слова! – приказала она себе. – Поторопись, не то чувак впадёт в беспамятство на полувздохе!». Её потенциальный собеседник на глазах погружался в объятия Морфея, будто надышался хлороформу.

Но рюкзак на вагонном сиденье оживает. В крохотную дырочку, ограниченную завязками, просовывается чей-то чёрный нос. Смеживший было очи визави расцветает словно майская роза. И знакомым ласкающим движением указательного пальца тычет в мочку этого носа.

– Ой-ой, кто там у вас? – скороговоркой защебетала Лионелла. – По-моему, сейчас вылезет. Или упрыгает вместе с мешком.

Она заразительно хохотнула для верности, дабы попутчик передумал укладываться. В качестве тонизирующего средства она использовала обворожительность собственного смеха, но могла не утруждать себя более уловками. «Живой» рюкзак привёл незнакомца в чувство. Спящий проснулся, любовно ослабил узел из тесёмочек и явил миру разукрашенную шрамами мордочку черно-подпалой таксы. Собачонка люто зарычала на Пирата. Мужик рассыпался от удовольствия серебристым смехом. Вёл

он себя как ребёнок: просто и непосредственно. Таксами восхищался чистосердечно, без всякой задней мысли. Так же органично, как ел, пил, дышал. Потому и увязался за Пиратом. Оттого и взбодрился в одно мгновение, когда четвероногие затеяли между собой диалог-перепалку.

– Это Леда. Леда-2, – торжественно была представлена такса Лионелле. – Ледой звали её прабабуку.

Голос предательски дрогнул, выдавая глубокое чувство. Воинственная малышка меж тем норовила тяпнуть возникшего невесть откуда «жениха». Пират, удачно избегая её белоснежных клыков, миролюбиво тянулся к даме с поцелуями: полизать, почесать, поискать блошек, ну и... поиметь, если посчастливится.

– Его так и зовут во дворе – Поцелуйчиком, – горькое признание помимо воли сорвалось с уст Лионеллы. Но мужик не внял её печали, даже ухом не повёл, он – восторгался! Не собираясь останавливать процесс.

– Обратите внимание на реакцию! Он всегда увернётся, уверяю вас!

Пират тотчас изобразил изворотливость, уклонившись от боестолкновения с несговорчивой подружкой,. После чего придвинулся к ней снова с целью продолжения мирных переговоров. Восторженный попутчик радостно всплеснул руками и залился счастливым смехом.

– Видите, видите! Что я вам говорил?

Лина видела всё, кроме повода для бурного веселья, но деликатно попридержала комментарии. Беседа плавно струилась, минуя пороги и крутые повороты.

Георгий Юрьевич Шипун оказался настоящим полковником: офицером ВДВ в отставке и заядлым охотником по совместительству. Не один климатический пояс пересёк, меняя дислокацию (то есть, место жительства) по долгу службы и приказу Родины. Не одну породу собак сменил, пока охотился в степях, лесах, горах и тундре. Но сердце свое безоговорочно отдал так-

сам: мелким, шустрым, неказистым с виду. Чем взяли его коротконожки? Умом, трудоспособностью, преданностью и шармом. Собачий век недолог, особенно, если работяга из нор не вылезает. Такс Шипун держал видимо-невидимо.

Но каждому охотнику жребий лишь единожды дарит собаку, которую нельзя ни забыть, ни заменить. Даже сравнить её не с кем, потому что она лучшая из лучших.

На долю Шипуна выпала Леда, черно-подпалая сука с выдающимися рабочими качествами. Она неизменно побеждала на состязаниях, выгоняла из норы любого лисовина, пусть даже втрое больше себя, отважно боролась с барсуками, не пренебрегала крысами. Кстати, крыса стала причиной её безвременной гибели. В отсутствие хозяина отважная охотница бросилась за серой тварью и запуталась в мотке колючей проволоки. Несколько часов провисела в западне вниз головой. Горю охотника не было предела. Леда пленяла безмерной отвагой, радовала послушанием, неприхотливостью и горячей привязанностью к хозяину. В общем, претендовала на звание «Мисс Само Совершенство».

Безутешный Георгий Юрьевич пытался вновь и вновь из потомков Леды вырастить нечто подобное.

Рождаются неплохие щенки, но прародительнице они и в подмётки не годятся Шипун не теряет надежды. Свою нынешнюю собаку он назвал амбициозно: Леда-2. Малышка пока не достигла профессиональных высот своей легендарной прапрабабки, однако в свои неполные семь месяцев уже заработала диплом второй степени.

Леда Лионелле понравилась. Но вместо того, чтобы порадоваться её первым успехам, она испытала прилив ядовитой зависти. Чувство было столь мощным, что пришлось опустить очи долу. Неловко стало смотреть в ясные васильковые глаза жизнерадостного собачника. И взгляд его простодушный, и голос, и смех – даже рыжие усы – вызывали стыд за тайные мысли. «Шиш тебе! – подумала Лина, не в силах справиться с завистью,

– Только раз бывают в жизни встречи. Не видать тебе больше такой собаки, как своих ушей! А я вот как возьму от Ледочки щенка, как выскочит в нём прабабкин ген, как станет лапурик трижды полевым чемпионом... Нет, лучше четырежды. И, вообще, лучше чемпионом России... Дважды!».

После того, как будущий пёс стал чемпионом России по рабочим качествам ровно пять раз, нервная система Лионеллы стабилизировалась. Вернулись на место зрение, осязание и слух. К величайшему изумлению, первая фраза Шипуна, снова дошедшая до её сознания, прозвучала не иначе как:

– ... станет ваш пёс чемпионом!

Лина похолодела. «Неужели бредила наяву?». Нет, это неугомонный пропагандист породы, продолжая нахваливать такс, перешёл на конкретные личности. В данный момент он воспевал Пирата.

– Щипец*, что надо, уши правильные, лапы прямые, хвост широкий, взгляд – серьёзный.

«Ага, голубая мечта любого охотника!» – желчно усмехнулась Лионелла.

– Да отсутствуют у него охотничьи инстинкты! – с тоской останавливает она сладкий словесный поток. Георгий Юрьевич подсказывает от возмущения:

– Не может такого быть! Поезжайте на «Старт» – и сами убедитесь. Если уж на то пошло, там такой нормастер – у него и коза залает!

Непреклонность старого охотника производит на вдову впечатление. А вдруг? Что если он прав, она заблуждается, а Пират – замаскированный супер-герой, не рассекреченный до поры, до времени? Всё-таки специалист с тридцатилетним стажем делает прогноз.

Говорят, сомненья укрепляют истину. Шипун заронил в душе неудачливой ТАКСикоманки зерно сомнения. Семя упало

* Морда собаки

на благодатную почву и вскоре проросло. Более того – заколосилось.

Не повстречайся Шипун Лионелле – фабула была бы исчерпана. Но события только-только начинают разворачиваться! Встреча с Шипуном – обыкновенное чудо. Или, скорее, предвестник его. Первый звоночек. Не произойди знакомства на перроне — не поехала бы Лина на притравку. Не побывай она на «Старте» – не пробудился бы в Пирате голос крови. Не случись этого — не попала бы снова Лионелла на выставку охотничьих собак...

Глава вторая

ОН У ВАС КОГДА-НИБУДЬ ЛАЯЛ?

– Марфушечка, поехали со мной! – Лина канючит, причитая как на паперти. Можно подумать, не Марта, а она – младшая из двух сестёр.

Марта — единоутробная сестра Лионеллы. Брюнетка 25-ти лет, замужем за Геннадием Брилем, студентом медицинского факультета Гуреевского университета. В неформальной остановке именуется Марфой. Привлекает бархатной пронизательностью чёрных очей. На третьем курсе родила Машку, перекочевала на заочное отделение филфака и отправилась в отпуск по уходу за ребёнком. Мужу предана беззаветно.

Не желает она обременять любимого автопробегом! Но Лионелла не отступает. Боязно ей в одиночестве тащиться на первую притравку. Хочется состряпать тёплую компанию. По-братски разделить на всех ответственность за недочёты с ошибками. А ещё невмоготу трястись на электричке. Лина хищно нацелилась на старенький Генкин «Жигуль».

Согласно её коварному плану «шестёрка» Генки Бриля должна доставить всех к месту события. Младшую сестрёнку замысел не вдохновляет. И поскольку Марта упряма, как ослица, Лина готовится к длительной осаде.

Но возвращается с лекций нежно опекаемый супруг, целомудренно чмокает Марфушечку в розовы ланиты и легко соглашается на авто-авантюру.

– Маньку возьмём, пусть проветрится!

– И Лариску, – поспешно корректирует Лионелла состав экспедиции. Она сгоряча уже успела сагитировать соседку по лестничной площадке. На тот случай, если б Гену уломать не удалось.

Идея собрать как можно больше народу полностью себя оправдала. Ибо Кармельюк – личность, широко известная в узких кругах – обладал специфическим свойством. На публику он работал прекрасно. Без зрителей — ленился и беззастенчиво халтурил. Об этой особенности не знала Лина ни сном, ни духом – она просто до колик боялась неизвестности. А на миру и смерть красна, вместе – не страшно.

И вот добрались они до «Старта», расположились на лужайке живописной стайкой. Точнее, неорганизованной толпой. Стаю возглавляет вожак, а разношёрстная группа аморфно расползлась по территории, не ведомая никем. Машка потянула мать к пустующим вольерам. Соседка принялась дымить, как паровоз, куревом скрашивая скуку. Гена – ковыряться в проблемных внутренностях железного коня! – ему тоже были безразличны кинологические нюансы путешествия. Лина, Никита и Пират – выдвинулись к ветхой избушке, самому яркому ориентиру на незнакомой местности.

Вид изба имела непрезентабельно дикий и в то же время сказочный. Того и гляди, покажется из-за угла старуха со своим разбитым корытом. Или баба Яга. Впрочем, командовал на «Старте» мужик. Следовательно, дед Яг должен выйти. Или Йог? Так или иначе, в естественное дополнение к строению откровенно напрашивались курьи ножки.

Притравочная станция – если, конечно, то была она – поражала безлюдьем. Запах перепревшего навоза и стойкий звери-

ный дух в воздухе витали, но, может, тут ферма расположена. Или иное сельскохозяйственное предприятие. Где-то на «Старте» денно и ночью обитает Жора Кармелюк. Георгий Юрьевич Шипун, благодаря которому компания сюда затесалась, подробно анонсировал профпригодность притравщика.

– У него любая собака заработает! – вспомнилось экспрессивное резюме бывалого охотника. – Тем более такса. Не сомневайтесь!

Но Лионелла утопала в сомнениях. Глубоко сожалея о проявленной инициативе, и особенно – о том, что собрала толпу свидетелей. На миру красна смерть, но не бесчестье. А ничего кроме позора ей не светит – с её-то везением! «Хоть бы мы ошиблись адресом!» – подумала Лина.

Но не успела она оформить своё малодушие в конкретное пожелание, как объявился Жора. Точь в точь такой, как описал его Шипун. Крупный, краснолицый, чем-то смахивающий на раздобревшего монгола. Он материализовался вблизи избы с ведром и лопатой. Величаво прошествовал к деревянному сараю, исчез в проёме двери. Вернулся уже без садово-огородных инструментов. И направился напрямик к Пирату, отчего сердце Лионеллы ёкнуло.

Испытуемый, не помышляя о грядущем, обнюхивал землю, камни, палки – всё, до чего мог дотянуться носом. Устремлялся в нескольких направлениях одновременно, изо всех сил натягивая поводок. Лина, став перед Жорой навытяжку, принялась заискивающим тоном лопотать беспардонную лесть. Слухи де о твоей мастерovitости, батюшка, пошли по всей Руси великой. На тебя одного надёжа, отец родной. Аз есмь червь, аки... паки... Спаси-помоги, не знаю, что делать!

– У вас тут и козы лают, говорят, – выпалила Лина напоследок. И добавила после заминки. – Он, похоже... что-то вроде козы. Тяжёлый случай.

Эмоциональный монолог сменило общее молчание. Наня-

тый Лионеллой эскорт с интересом пялился на таинственного преподавателя охотничьих собак. Тот многозначительно играл бровями. Пиратик прямо на тропе, с энтузиазмом идиота начал выкапывать маленькую норку.

Притравщик держал паузу на уровне народного артиста Советского Союза. Раньше о минутах тишины говорили «ангел пролетел». Но, уходя, поколения забирают с собою свои поговорки и поговорки. Почтительное молчание нарушил Никита. Ни к кому конкретно не обращаясь, мальчик задумчиво изрёк:

– Мент родился...

Тотчас, как по взмаху дирижёрской палочки, все стали озвучивать реплики, кто на какие был горазд. Машенька капризно запросилась в туалет. Марта, вежливо улыбнувшись, сказала: «Извините!». Нормастер озаботился наличием у собаки документа. Лионелла залепетала что-то о своей всегдашней забывчивости. Дополняющая родственный кортеж Лариса чихнула без слов, достав очередную сигарету.

Наконец, гости были милостиво допущены к норе, устроенной в виде деревянной «восьмёрки».

Искусственная нора смонтирована таким образом, чтобы её можно было в любом месте открыть при помощи крышки. Узкая и длинная труба «восьмёрки» кое-где украшалась бочкообразными выпуклостями. На профессиональном сленге они называются котлами. В месте пересечения двух колец установлена железная решётка («телевизор»). Все желающие сквозь прутья вольны наблюдать за хороводом лисы и собаки.

Сведения об азах притравки и устройстве норы заранее были почерпнуты из специальной литературы. Но одно дело – теория. И совсем другое – практическая реализация проекта. Лионелла дрейфила. Её совсем не утешало то, что нормастер — не дантист, и независимо от результатов освоения собакой охотничьей азбуки мир вокруг не рухнет.

«А, гори всё ясным пламенем! Будь, что будет, и пусть ни-

чего не будет, – нашла для себя Лионелла нужные слова поддержки. – Как говорится, чем хуже, тем лучше!».

Группа сопровождения деликатно топталась у ограждения, сочувствуя издалека. Лина и Жора приступили к выполнению операции по внедрению собаки в нору.

– Запускайте! – Кармелюк повелительно ткнул в узкое отверстие «трубы».

Одной рукой откинув крышку, другой Лионелла подтолкнула Пирата вниз. Не тут-то было! Кобель упёрся о бортики четырьмя лапами и с недюжинной силой рванулся прочь из хозяйкиных объятий.

– Он...э-э ... не хочет, – с грехом пополам усмиряя живое шило, доложила Лина.

– Запускайте! – повторил непреклонный притравщик.

Пират стоял насмерть. Стоило Лионелле столкнуться с бортика его передние лапы, как он по-кошачьи цеплялся за спасительную деревяшку задними. Не успевала она лишить упрямы опору сзади, как его передние конечности прочно утверждались в положении «упор полулёжа». Двух рук не хватало. Младшая сестра поспешила на помощь.

Ну, держись, саботажник! Знакомая волна досады и злости придала картине динамичности. Лионелла скрутила собаке лапы, Марта ухватила Пирата за хвост. Вдвоём — кое-как уравились. Кобель провалился в опасную темень, хранившую запах лисы. Попробовал было выскочить наружу, но крышка с треском захлопнулась, едва не прищемив чёрный нос. Первый этап операции завершился. Сёстры вытерли трудовой пот и стали ждать дальнейших указаний.

Лионелла боролась с острым чувством стыда. Ей казалось, ушлый Жора в глубине души насмехается над ней и её собакой.

Пират тем временем затаился. То ли тихо ждал кончины, то ли бесследно растворился в сумеречной зоне искусственного подzemелья.

– Позовите! – лаконично потребовал нормастер.

Лина пробежалась вперёд, открыла крышку в другом месте, кликнула собаку прямо в гулкое пространство мини-тоннеля. Призыв подействовал. Немного погодя Пират добрался до заданной точки. Кинул наверх отрешённый взор, не спеша двинулся дальше по кругу.

– Отлично, – удовлетворённо констатировал Жора.

Лина ему не поверила. И правильно сделала. Увидев подсадную лисицу в «телевизоре», кобель повёл себя как прежде – то есть, на твёрдый «неуд». По норе он крался молча, поэтому – чтобы заставить его лаять, показали ему лису вблизи. В «телевизоре», на поверхности, так сказать, со зрительского места.

Пират принялся. Рефлекторно отпрянул, когда лиса клацнула зубами. И боле ничего. Совсем ничего! Рыжая красавица собралась уже маленько вздремнуть, когда на подмогу призвали «варяга». Восьмимесячного гладкошерстного таксёнка предъявили Пирату в качестве эталона.

«Варяг» был неподражаем. Реактивный снаряд с чёрными флагами ушей и горящими от возбуждения глазами вихрем пронёсся мимо всей честной компании, взвизгнул, подпрыгнул, зашёлся в хриплом лае. И начал рьяно набрасываться на лису, пытаясь достать её через прутья решётки. Рыжая мгновенно подобралась, затрещала зубами, как кастаньетами.

– Щёлк, трак, крик, фырк! – лиса.

– Р-р-рр-гав! Гав, рр-р-гав, гав! – собака.

Люди оживились. Машка выронила обслюнявленный леденец на грязный песок. Марта изумлённо округлила губки. Соседка перестала смолить свой неизменный «Кент». Никита лихорадочно защёлкал затвором фотоаппарата.

Пират впечатлился больше всех. Он так старался осмыслить детали происходящего, что даже приоткрыл пасть. Нервно зевнул, пытаясь обнюхать разъярённого сородича. Поскольку тот бился в боевом азарте – задача оказалась не из лёгких. В рас-

терянности Пират переводил взор с беснующейся таксы на лису, с лисы — на собаку, не в состоянии справиться с оторопью. Созерцание продолжалось очень долго, и в командирском голосе нормастера не проскользнули нотки удивления:

– Скажите, он у вас когда-нибудь лаял? – специалист, заставляющий гавкать коз, озадаченно почесал затылок. Возвратившись на Пирата с каким-то нездоровым любопытством. По-видимому, мысленно примерял горе-работничка к ближайшей берёзе, выбирая подходящий сук.

– Э-э... два раза. Или нет, даже три. В общем, он умеет.

– Ну, раз умеет, приезжайте через неделю, – Жора занялся упаковкой лисы в деревянный ящик и сразу позабыл о существовании приезжих. Но просто так Лионелла не могла покинуть ристалище. Переминаясь с ноги на ногу, обуреваемая дурными предчувствиями, она спросила упавшим голосом:

– Безнадёжен?

Поколебавшись ровно пять секунд, собачий гуру произнёс:

– Отнюдь!

Ответ имел далеко идущие последствия. Кармелюк намеренно немного покривил душой из опасенья потерять клиента, и – следующую субботу Лионелла провела на «Старте». На этот раз – без почётного эскорта. Вероломные соратники покинули её после первого же эксперимента, дружно сочтя Пирата негодным для опытов.

А Лина Кармелюку доверилась. И вот что из этого вышло...

Глава третья

ЭТОТ СТОН У НАС ПЕСНЕЙ ЗОВЁТСЯ...

Потенциал питомца Лионеллу тоже не вдохновлял. Но, ясен перец – каждому в лучшее верится! Идёт ли речь о супружеской измене, коммунистическом будущем или псовой охоте. К тому же остановок на полпути вдова не признавала. За первой

буквой алфавита должна следовать вторая, далее – по списку. Азбуку надлежит озвучивать целиком, вплоть до заключительного «Я». Иначе выйдет ни «бе», ни «ме», ни «ку-ка-ре-ку»!

Спрашивается, на кой нужны вдове собачьи ордена и медали? Копошится под ногами забавное четвероногое – и ладно! Но нет, Лионелле этого мало! Алкала она не выгоды, хотя была не против матушки-халявы. Её гнала вперёд жажда славы. В сборной солянке лионеллиных мечтаний Пират шествовал, позвякивая золотом бесчисленных наград. Знатные охотники вкупе с именитыми экспертами ахали, тая от восторга. А счастливая Лина величественно принимала комплименты с поздравлениями.

На притравку неудержимо влекло желание гордиться собственной собакой. И вот Лионелла на «Старте». Вновь терзания: залает – не залает, пойдёт или нет?

Но напрасно копошилась Лина возле норы, взвинчивая себе потрёпанные нервы. Она обречённо ждала у «телевизора» унижительного повторения моральной экзекуции. Однако Жора прогнал её и Пирата с насиженного места. Походя, небрежно бросил: «Пошли отсюда!». Женщина опешила: «Ничего себе напущение! Экий грубиян этот норных дел мастер...».

Кармельюк направил испытуемых к загону, обрамлённому чахлым кустарником. Поверхность внутри ограждения покрывала каша из грязи, снега и воды. Посередине возвышался крохотный островок суши. Добраться до него коротконогая такса могла только вплавь. А так как до плавания Пират был не охоч, Лина подхватила его подмышку и побрела, утопая в болоте, к безопасной возвышенности. Жора бодро шагал впереди, непринуждённо бороздя пересечённую местность.

Бултыхалась Лина сзади в полной растерянности. Куда их ведут? Там другая нора наверное. Попроще, поменьше. Или что? Гадания на болотной жиже продвигались туго: первостепенную задачу момента было во что бы то ни стало остаться на плаву.

Но вот Лионелла выбралась на пружинящий от влаги холмик, и Кармелюк отдал приказ:

– Пускайте собаку!

Норы поблизости не наблюдалось. Однако, время для неведомого «или что», похоже, настало. Командовал наставник охотничьих собак как бригадный генерал на плацу: чётко и доносчиво. Лина не посмела пискнуть: «Зачем?». С неловкой поспешностью отстегнула поводок, разогнула спину и... чуть не свалилась в болото от неожиданности.

Из-за куста на них чапал средних размеров крепенький кабанчик с неровной щетиной и куцым хвостиком.

– А он ... он ему ничего не сделает? – пролепетала ошарашенная таксовладелица. Подразумевалось, кабан – собаке. Жора пробурчал что-то вроде «нет, конечно».

Парнокопытное потрусилло мимо, Пират – за ним! Сердце у Лины тревожно сжалось. Она крепко зажмурилась. Но перед этим всё же подсмотрела, как кружил кабанчик, поднимая фонтаны грязи. А Пират – наступал ему на пятки, проваливаясь в ледяную жижу по уши. Едва зверь притормаживал, нормастер молодецким посвистом шугал нерадивое животное. И вепрёнок послушно ускорялся. Собака ныряла следом.

Вдруг раздался звук, не поддающийся описанию. Пронзительный крик, чередующийся с визгом, воем и тоненьким «ай-яй-яй!». От душераздирающей какофонии кровь леденела в жилах. «Ну вот, – резюмировала Лина с мазохистским удовлетворением, – Вот и сделал! А обещал, что не сделает!». Она открыла глаза, дабы печальною укоризною во взоре пристыдить жестокосердого притравщика. И узрела донельзя довольную его физиономию. Карселюк сиял. Он словно светился изнутри. А вокруг, как в народе говорят – картина Репина. «Приплыли!» называется.

Кабан мелькает на заднем плане. Собака несётся за ним и орёт благим матом. Жора откровенно ликует. Лицо выражает торжество первопроходца. Вылитый Христофор Колумб! На

презентации открытого им континента.

– Слыхали!? – радостно восклицает нормастер. Рожа – поперёк себя шире – алеет от наплыва чувств. Улыбка – во весь рот. Глаза горят хищным блеском победителя.

– Слыхали!? А говорили, не залает!

Только тут до Лины доходит: Пират не предсмертные крики издаёт, а с боевым кличем гонит зверя. Во всяком случае, сам он в это верит. Хотя по сути зверя гонит Жора. Кабан дисциплинированно рассекал водоём, выбрасывая донные отложения из-под раздвоенных копыт. Не убегал он от Пирата, а выполнял задание нормастера. Но Пират-то об этом не знал! Пробудившийся охотничий инстинкт вырвался из потаённого уголка его собачьего сердца и трансформировался даже не в лай, а в пронзительный безостановочный умопомрачительный вопль.

– Этот стон у нас песней зовётся, – иронизирует потрясённая Лионелла с напускным хладнокровием. Она отчаянно кокетничает. Внутри неё всё поёт. Воодушевлённая услышанным, она дрожит от радостного возбуждения и невесть откуда взявшегося азарта. Вот оно! То, чего ради старалась, за что боролась, чего устала ждать!

Пират не диванная игрушка, а настоящая рабочая собака! Хочется немедля схватить чертяку и целовать, целовать, целовать его чумазую морду. Но поди отлови новоявленного охотника! Такса увлеклась и не внемлет призывам. Приходится пускаться в плавание — погоню.

Такое не забывается! Но последующие притравки показали: инстинкт зовёт, но куда именно – собаке невдомёк. Голос крови диктует задание недостаточно внятно. Наметившийся прогресс вскоре застопорился. Как-то лиса, изловчившись, дала Пирату «прикурить» – тот сразу растерял весь пыл. Под черепной коробкой, покрытой атласною шёрсткой, заворочались рассуждимы типа: «Эвон как бывает! И зачем тогда оно мне надо?».

Если б не настойчивый зов предков, Пират не торопился

бы на встречу с лисой. Но голос крови призывал к вендетте. И понукаемый врождённой ненавистью к зверю, кобель никак не мог определиться: бежать ли ему с поля битвы или драться насмерть. Каждый раз он бросался в нору очертя голову, сам не зная толком – зачем.

Нет числа парадоксам собачьей психики! Самый загадочный из них – «перегорание». Собака в ожидании пуска волнуется, переживает, проигрывая в уме возможные коллизии боя. И до такой степени испереживается, что когда дождётся, наконец, своей очереди – работать не может. Лису ищет нехотя, лает вяло, без азарта и куража. Теоретически навоевалась уже, в мыслях. И так устала, что на реальную драку не хватает сил. Перегорела.

И скажите, пожалуйста, о чём это говорит, как не о наличии абстрактного мышления? Пират им явно обладал. Горе от ума демонстрировал наглядно. Чем дольше он скулил, маясь накануне битвы, тем меньше было от него проку в норе. А ведь кобель пыхтел и тужился, изображая боевой задор, перед «мягкой»* лисой. Что же будет, когда он встретится с «жесткой»? Не факт, что овчинка стоит выделки: притравки нынче дороги, а таланты ученика развиваются через пень-колоду.

Приблизительно так оправдывала Лионелла угасание собаководческого рвення. А тут ещё скопом навалились житейские неурядицы: иссякли деньги, пошатнулось здоровье, Никита начал отбиваться от рук. Курсы повышения собачьей квалификации были заброшены.

Но дикий восторг – сродни экстазу – нахлынувший от того, что твоя собака работает – не прошёл бесследно, наложил отпечаток на мироощущение. Жизнь заиграла свежими красками веры в счастливый финал. Благодарить за новый колер в картине серой беспросветности Лина должна была Пирата.

Должна была. Но не стала. Не повернулся язык.

* По степени подготовки притравочные лисы условно делятся на три категории: мягкие, жёсткие и боевые.

Содержание

ПРОЛОГ

Часть первая

УДАР! ЕЩЁ УДАР!

МУКИ СОМНЕНИЙ 10

ПРИЗ ДЛЯ СОБЕСЕДНИЦЫ 23

НЕ БЫЛО У БАБЫ ПЕЧАЛИ... 30

НЕ В КОНЯ КОРМ 43

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГАДКИЙ УТЁНОК ВСТАЁТ НА КРЫЛО

ВСТРЕЧА НА ПЕРРОНЕ 54

ОН У ВАС КОГДА-НИБУДЬ ЛАЯЛ? 63

ЭТОТ СТОН У НАС ПЕСНЕЙ ЗОВЁТСЯ... 69

ВЫСТАВКА И КОЕ-ЧТО ВПРИДАЧУ 74

ЗДЕСЬ БЫЛИ ВОЛОСЫ! 88

ПРОПАДИ ТЫ, КОНДРАТ, ПРОПАДОМ! 98

КОШКА ПОД КРЫЛЬЦОМ 103

БЕЛОЧКА 113

ПОТЕРЯЛСЯ... 118

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

ДВЕ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ 125

МАЙН КАЙФ 158

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПОРТРЕТИК В РАМОЧКЕ — ВСЕМУ ВЕНЕЦ

КРИМИНАЛЬНОЕ АССОРТИ 210

ПОЛЁТ НА БЕЛОСНЕЖНОМ КОРАБЛЕ 233

КРУГОВОРОТ ТАКС В НАРОДЕ 262

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ НЕ ЗНАТОКИ 277

ИСТИНА НА БЛЮДЕЧКЕ 316

ЭПИЛОГ

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Бац, Раз, Опаньки и Бум 363

Хрен вездесущий 365

Лапа проведения

авторский сборник

Подписано в печать 22.11.2013 г.

Формат 60x90/16. Печ. л. 7. Печать офсетная. Тираж экз. 100 Заказ № 224